

Алла Белолипецкая

† Крест
и ключ

18+

Проект "Ярополк"

Алла Белолипецкая

Крест и ключ

«Автор»

2026

Белолипецкая А. В.

Крест и ключ / А. В. Белолипецкая — «Автор», 2026 — (Проект "Ярополк")

Декабрь 1939 года. Загадочный убийца решает воспроизвести в Москве наводящие ужас казни прошлого. И при выборе мест расправы он соблюдает строгую систему. Так чего же он хочет этим добиться? Выяснить это должен будет Николай Скрябин, следователь проекта «Ярополк»: сверхсекретного подразделения в составе НКВД СССР, специализация которого – расследование преступлений, не поддающихся рациональному объяснению. Но сумеет ли Скрябин остановить палача-имитатора? Как в мистический круговорот происходящих событий окажется вовлечен Михаил Булгаков? И что будет означать постоянно всплывающий в этом деле символ: то ли крест, то ли ключ?

Содержание

Пролог	6
Часть первая. ИМИТАТОР	11
Глава 1. Топонимика убийств	11
Глава 2. Молчать – нельзя – рассказать!	17
Глава 3. Что сказал бы юбиляр?..	23
Глава 4. Погоня, слежка и провокация	30
Глава 5. Тень за спиной	37
Глава 6. Как создать человека-амфибию	43
Глава 7. Мастер и теория шабаша	49
Глава 8. НКВД и Художественный театр	54
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Алла Белолипецкая

Крест и ключ

...колдовству, как известно, стоит только начаться, а там уж его ничем не остановишь.

Михаил Булгаков. «Мастер и Маргарита».

Некогда люди были одержимы бесами, сейчас они не менее одержимы идеями.

Карл Густав Юнг. «Психологический комментарий к Тибетской книге о Великом Освобождении».

Пролог

4 июля 1936 года. Суббота
Кучино. Московская область
1

Для своей вылазки Николай Скрябин прихватил из дому подаренный отцом цейссовский бинокль. И сейчас, вооружившись им, сидел в развилке старого тополя, что рос на пригорке за оградой *дачной коммуны* Глеба Ивановича Бокия, руководителя проекта «Ярополк»: самого засекреченного подразделения в составе Главного управления госбезопасности НКВД СССР. Всего несколько дней назад, после окончания вечерних курсов ГУГБ, Коля получил звание младшего лейтенанта госбезопасности. И в этом звании ему, девятнадцатилетнему студенту юридического факультета МГУ, предстояло проходить на Лубянке летнюю практику. Но сейчас юноша сменил новенькую, с иголки, форму НКВД на белую рубашку с коротким рукавом, парусиновые брюки и матерчатые туфли на резиновой подошве.

Субботний вечер четвёртого июля подходил к концу, и гости – числом около трех десятков – давно уже съехались на дачу комиссара госбезопасности 3-го ранга Бокия. Небо потемнело, и на нём загорелись крупные точки звёзд: яркие, словно лампы над театральной декорацией.

Но, будто в противовес звёздному свету, все огни в большом, в два этажа, бревенчатом доме Бокия внезапно погасли. И территория пресловутой «коммуны» погрузилась в сумрак. Видно было только, как над приземистым строением в дальнем конце усадьбы, явно – баней, курился сизый дымок. Его полоса бороздила вечернее небо, поднимаясь вертикально вверх.

А затем двери двухэтажного особняка распахнулись.

Коля, прильнувший к окулярам бинокля, сперва почти ничего не видел из-за темноты. Но потом проблема с освещением была частично решена: один за другим на крыльцо стали выходить люди, каждый из которых держал в руках по большой свече. Скрябин отметил про себя, что сделаны эти свечи из чёрного глянцевого вещества.

– Ну, конечно... – Он хмыкнул. – Ясно теперь, почему отец не хотел, чтобы я ездил сюда. Боялся, я пойму, что это за *культ приближения к природе* здесь практикуют!

И Николай продолжил наблюдение.

Он видел, что силуэты выходящих во двор и становящихся в шеренгу граждан отсвечивают в сумерках белым. Гости Бокия уже максимально *приблизились к природе*: сбросили с себя всю одежду – благо, теплая летняя ночь это позволяла. Лица идущих казались Коле белёсыми облачными пятнами, зато он явственно видел очертания голых спин, плеч, ягодиц, ног и рук. Впрочем, полностью обнаженными шли только женщины; у мужчин вокруг бедер намотаны были какие-то лоскуты материи – нечто вроде первобытных набедренных повязок. А у субъекта, который замыкал процессию, на чреслах красовалось некое подобие шотландского килта – но не клетчатого, а чёрного.

– А вот и сам мэтр церемоний! – почти в полный голос произнес Николай; в *шотландце* он моментально узнал Глеба Ивановича Бокия.

И, едва Бокий появился на крыльце, граждане с чёрными свечами тут же двинулись в сторону топившейся бани. Друг за дружкой мужчины и женщины проходили в её невысокую дверку, а последним вошел, пригнув голову у порога, высокий хозяин дома. И тотчас же банная дверка захлопнулась.

Коля следил за баней ещё с четверть часа: выжидал. Однако никакого нового шевеления разглядеть не мог. Так что он отвел бинокль от лица – повесил его на шею. А затем ловко, как белка, спустился с тополя на землю. И встал у дерева, призадумавшись.

Да, конечно, он мог бы отбросить блажь: довольствоваться тем, что уже увидел. Ворочаться восвояси. Но была ведь и другая возможность... Не менее минуты Николай размышлял: ерошил волосы на затылке, теребил ремешок бинокля, покусывал изнутри щеку. А затем коротко выдохнул – принял решение. Не мог он оставить эту загадку разгаданной не до конца. Не освободиться от любых сомнений. Ну, никак не мог.

2

Перебраться через забор, который огораживал усадьбу Бокия, оказалось не таким уж простым делом. Мало того, что ограда, выложенная из бетонных панелей, имела больше двух метров в высоту, так ещё и поверх неё в несколько рядов натянули колючую проволоку. И выручило младшего лейтенанта госбезопасности лишь то, что прямо возле ограды лежал кусок брезента, будто специально кем-то оставленный. Коля поднял его и попытался набросить поверх проволоки. Но, несмотря на свой рост под метр девяносто, сделать это *простым* способом ему не удалось. Чуть сощурился, Скрябин предпринял вторую попытку – и на сей раз кусок брезента словно бы сам собой распластался в воздухе, как парящая на восходящем потоке птица. А затем аккуратно лёг на стальные колючки.

– Вот так-то! – Николай, довольный собой, тихонько рассмеялся, а потом вытянул из брюк ремень и – снова помогая руке взглядом – закинул его наверх; латунная пряжка надёжно зацепилась за проволоку рядом с брезентом.

Полдела было сделано. Попеременно перехватывая ремень руками и переступая ногами по бетонному ограждению, Скрябин полез наверх, перебрался через проволоку по брезентовому настилу и спрыгнул наземь. После чего перекинул ремень на внутреннюю сторону ограды: иного пути для отхода у него явно не намечалось.

Затея его могла закончиться очень плохо уже в первые минуты – если бы *коммунары* догадались выставить часовых. Но – на казенные дачи сотрудников НКВД незваные гости обычно не заглядывали, и товарищ Бокий явно утратил бдительность. Коля беспрепятственно прошёл по пустому двору, миновал большой двухэтажный дом и прильнул к окошку бани, источавшей влажное тепло.

Окно запотело изнутри, и сквозь стёкла ничего было не разглядеть. Однако вскрики и пыхтение, доносившиеся до слуха Николая Скрябина, не оставляли сомнений в том, какие именно дела творятся в парилке. Младший лейтенант госбезопасности невольно ухмыльнулся, подумав: «Ну и ну! Значит, прав был папа...» Но затем недвусмысленные звуки вдруг прекратились – стихли в одну минуту. И – послышался удар в гонг.

– Похоже, у них там ещё что-то готовится, – беззвучно прошептал Коля.

Догадка его тут же подтвердилась.

Сначала мужской голос – Бокия, по всей видимости, – забубнил что-то на одной ноте; различить слова не представлялось возможным. Потом уже два голоса одновременно – мужской и женский – начали монотонно произносить слова, и сдвоенность звучания позволила Скрябину разобрать странную тираду: «Я пью из тамбурина, я ем из цимбал, я посвящён в обряд».

«Принимают неофитов», – понял Николай. Его сомнения в том, *что* за действие разыгрывает на своей даче комиссар госбезопасности 3-го ранга, развеялись полностью.

Оставалось уточнить одну-единственную деталь. И Коля, отойдя от окошка бани, зашагал к опустевшему – как он надеялся – дому.

3

Из просторной прихожей распахнутые двойные двери вели в столовую – где как будто попиривало дикарское племя. На длинном обеденном столе там и сям валялись перевернутые тарелки. Несколько фужеров из-под вина лежало на боку, и от них расплзались по белой скатерти кровавого оттенка пятна. Блюда, на которых выкладывали различную снедь, загажены были теперь окурками и объедками. Но среди всего этого безобразия Коля разглядел-таки то,

что ему было нужно: стоявшие на треугольной подставочке солонку, перечницу и баночку с горчицей. Вытряхнув из солонки на ладонь несколько крупинок белого вещества, Николай попробовал их языком и удовлетворенно кивнул: то был самый настоящий, неподдельный, хлорид натрия. Попросту говоря – поваренная соль.

– Кооператив шарлатанов... – прошептал Коля и, отряхнув ладони, направился уже к распахнутым дверям столовой.

И тут его взгляд непонятным образом потянуло в сторону. Юноше померещилось: его ударила в висок невидимая ледяная дробинка, заставив повернуть голову – посмотреть туда, где на низком серванте у стены, метрах в двух от стола, красовался сосуд.

Николай ещё до этого глянул на него мельком – едва только сюда вошёл: приметная то была вещица. Размером с небольшую круглую салатницу, диковинный металлический сосуд стоял на четырех ножках в виде когтистых птичьих лап. А сверху его наподобие небольшого шатра венчала крышка, на которой вместо ручки имелась *рука*: в рыцарских латах, чуть согнутая в локте, сжимающая обнаженный меч. Из какого металла псевдо-салатницу изготовили, Коля не понял. Сперва он решил: это черненое серебро. Но нет: черный цвет сосуда выглядел глубоким и каким-то *тяжелым*. Так что Скрябину пришли на память затейливые чугунные предметы каслинского литья.

Но изначально, войдя сюда, Николай отвлекся на другое – не рассмотрел сосуд с *рыцарской* крышкой как следует. Слишком поглощен был мыслью, что нужно произвести проверку относительно соли. А теперь младший лейтенант госбезопасности заметил деталь, которая при первом, мимолетном взгляде от его внимания ускользнула.

На нижней части четырехногой чаши, примерно там, куда указывал локоть согнутой рыцарской руки, располагался слегка выступавший над поверхностью барельеф. Он походил на схематичное, с острыми углами, изображение ключа с крестообразной бородкой. Или – на изображение креста с двумя перекладинами, нижняя из которых оказалась наполовину отломлена. А ещё, пожалуй, барельеф смахивал на строчную латинскую «t» – только с хвостиком, повернутым влево, а не вправо.

Коля сам не заметил, как поднял руку, потянулся к черной чаше и коснулся странного барельефа подушечками двух пальцев: указательного и среднего. Впрочем, он тут же пальцы и отдернул: ему почудилось, что его несильно, но вполне ощутимо ударило электрическим током. Но то не был электрический разряд. Николай понял это, когда пригляделся к чаше: вся она мелко-мелко вибрировала, как если бы внутри неё беззвучно бесновался пчелиный рой. А ещё – в жаркий июльский вечер стенки черного сосуда почему-то оставались холодными, словно его извлекли из студеного подпола.

Но обдумать, в чем была причина этого, младший лейтенант госбезопасности не успел. Из прихожей вдруг донеслись шаги: неуверенные, шаркающие и как будто запинаящиеся. «Вот я и дождался!..» – мелькнуло у Коли в голове, и взгляд его метнулся к окну, которое оставили настежь открытым. Однако до него было метра три-четыре, и Скрябин даже не попытался преодолеть их: мгновенно понял, что не успеет. В столовую уже входил, покачиваясь, полностью обнаженный гражданин – не нацепивший и набедренной повязки: лысоватый, среднего роста, с неопределенными чертами круглого лица. Его бледное белое тело покрывали крупные капли испарины, а глаза он щурил так, что веки превратились в две короткие прямые линии. Впрочем, хоть и подслеповатыми глазами, а вошедший сразу же уставился на Николая Скрябина.

– Ты кто? – спросил голый субъект; он стоял в дверях, слегка покачиваясь и держа одной рукой за притолоку, а слова произносил так, будто рот его был набит манной кашей.

– А ты кто?

Этот вопрос и в самом деле заинтересовал Колю. Ему показалось, что стоявшего в дверях человека он прежде где-то уже встречал. Но, конечно же, не в таком – *приближенном к природе* – обличье. Да и наверняка обычно тот носил очки с толстыми стеклами – способные изменить

внешность почище любой маски. Так что теперь младшему лейтенанту госбезопасности никак не удавалось вспомнить, кем был этот субъект.

– Я – Фурфур, – с гордостью отвечив голый.

– Кто-кто? – переспросил Коля.

– Фурфур, великий граф, – с пьяным достоинством повторил человек в дверях. – Послан сюда мастером Леонардом за новой порцией еды и напитков.

Николай – в первый раз при упоминании *Фурфура* решивший, что ослышался, – едва не поперхнулся подавленным смехом. Кто такой Фурфур, он знал великолепно. В старинных трактатах по демонологии этого зловредного и вечно лгущего демона изображали в виде огромного крылатого оленя с пламенеющим хвостом и ветвистыми рогами. Ну, то есть, рога-то у Колиного собеседника, возможно, имелись – если он ездил в гости к Глебу Ивановичу вместе с женой; но от этого на оленя он всё равно не походил. Что же касается *мастера Леонарда* – то имя это окончательно утвердило Колю в его подозрениях. Описание ритуалов шабашей он тоже читал. При проведении подобных мероприятий люди со свечами черного воска в руках совершали в обнаженном виде торжественные шествия. После чего, чествуя дьявола, занимаясь групповым сексом. И, по средневековой легенде, руководил такими церемониями некий *мастер Леонард* – великий магистр шабашей, шеф ведьмовства и черной магии. Бокий явно не поскромничал, велел сотоварищам именовать себя так.

– А ты-то кто, я не расслышал? – повторил между тем свой вопрос голый гражданин.

– Я – Астарот, – назвал Коля наобум первое пришедшее ему в голову демонское имя.

И не угадал.

– Как это? – удивился «Фурфур». – Астарот ведь сейчас в бане... – А затем в его пьяненьких глазках промелькнуло понимание ситуации – он даже щуриться перестал. – А какой у нас сегодня пароль? – спросил он.

Такого вопроса – или чего-то подобного – Скрябин ожидал. Ни слова более не говоря, он рванул к окну, ведущему во двор. Однако Фурфур проявил неожиданную для его состояния прыть: оказался у окна раньше Коли. Тот сразу же отпихнул с дороги этого шута, липкого от пота, а затем схватился за подоконник, намереваясь через него перемахнуть. Но просто так выпускать незваного гостя «великий граф» не собирался.

– Чужой, здесь чужой! Все сюда! – проорал он пьяным голосом, а вдобавок ещё и прыгнул Николаю на спину, явно рассчитывая повалить его.

Но в последнем не преуспел. Младший лейтенант госбезопасности с размаху врезал ему пяткой по голени, и голый гражданин, отпустив Колю, с воплем покатился по полу. Почти произвольно Скрябин обернулся и понял, что не рассчитал силу удара. Будь на нем ботинки или футбольные бутсы, его противник, как ни парадоксально, отделался бы более легкой травмой. Но, зная, что туфлей на резиновой подошве ударить как следует очень трудно, студент МГУ врезал *Фурфуру* от души. И теперь обнаружил, что голень пьяного гражданина, за которую тот хватался руками, изогнута под странным углом. Перелом обеих берцовых костей – и большой, и малой – был налицо.

Но это оказалось далеко не всё! После удара мнимый Фурфур ухитрился откатиться к серванту, на котором стояла черная чаша со странным барельефом. Сервант покачнулся, когда голый врезался в него, и чаша, стоявшая близко к краю, накренилась и явно начала вибрировать ещё сильнее. А потом крышка с *рыцарской* ручкой полетела вниз – тюкнув голого гражданина по макушке. Тот охнул, в удивлении запрокинул голову, и на лицо его, в раззявленный рот и на незагорелую грудь выплеснулось из чаши *ничто*.

Николай Скрябин не успел понять, что это было за вещество – увидел лишь короткий выплеск чего-то густого, серебристого. А уже в следующий миг тело мнимого Фурфура впитало всю эту субстанцию. Так, должно быть, впитывал кровь прижатый к ране кусок старинной корпии. Голый гражданин зашелся отчаянным кашлем и принялся обеими руками царапать

себе грудь – даже про сломанную ногу позабыл. Его подслеповатые глазки выпучились, и в них заметался, словно пойманный чижик, панический ужас.

Впрочем, никакого раскаяния Скрыбин при виде этого не испытал. Не до того ему было. В один прыжок он выскочил из окна и со всех ног понесся к той части ограды, где с колючей проволоки свисал его ремень. А со стороны бани уже наплывали встревоженные голоса: призыв *голово* там, похоже, услышали.

4

Цирковой гимнаст не перебрался бы через бетонную стену быстрее, чем это сумел сделать Коля Скрыбин. Даже не ободравшись о колючую проволоку, он соскочил наземь. И, бросив брючный ремень висеть на стальном терновнике, кинулся бежать к белевшему во мраке березовому перелеску.

Но до полосы деревьев оставалось ещё три-четыре десятка шагов, когда дачные ворота за спиной у Скрыбина распахнулись. Послышались крики – чуть ли не улюлюканье; и началась самая настоящая канонада: гости Глеба Ивановича принялись палить в беглеца из всех видов имевшегося у них огнестрельного оружия. Несколько пуль просвистело поблизости от Колиной головы, а одна высекла искры из куска кварца у него под ногами. Но, во-первых, в сгустившихся сумерках прицелиться как следует было весьма непросто. А во-вторых, бегал девятнадцатилетний студент МГУ – центрфорвард университетской футбольной команды – очень быстро. Да ещё и по-заячьи петлял на бегу.

Не задетый ни единой пулей, он домчал до перелеска. И, оказавшись там, не сбавил скорости, поскольку выстрелы у него за спиной всё никак не стихали. На свое счастье, в темноте Коля видел хорошо. Так что не рисковал напороться на какую-нибудь ветку или расшибить голову, споткнувшись о древесный корень.

На шаг Николай Скрыбин перешел лишь тогда, когда все звуки, доносившиеся со стороны *дачной коммуны* Бокия, сделались глухими и едва различимыми. А, прошагав с минуту, не утерпел: приостановился и, тяжело дыша, оглянулся через плечо.

Небо позади – в той стороне, где располагался дачный поселок – стало уже иссиня-черным. Но низко над деревьями, едва не задевая их, крутился в воздухе полупрозрачный серебристый смерч – похожий то ли на веретено, то ли на детскую юлу.

Часть первая. ИМИТАТОР

Глава 1. Топонимика убийств

1 декабря 1939 года. Пятница

1

За окном кабинета, который занимал руководитель проекта «Ярополк», снег падал красивыми спиралями – словно был декоративным, театральным. И казалось: над Москвой, как над грандиозной сценой, его разбрасывают при помощи специальных небесных вентиляторов. Валентин Сергеевич Смышляев, нынешний шеф «Ярополка», сидел за столом боком к окну, так что мог со своего места созерцать снежные извивы. Видел он и часть площади Дзержинского (её будто вымазали побелкой), и даже заснеженную крышу здания Совнаркома, хоть она являла собой лишь смутный абрис на фоне метели. Да и сам Охотный ряд, где находился СНК, выглядел сейчас не вполне реальным: напоминал то ли зимнюю улицу с картин Питера Брейгеля Старшего, то ли изображение с дореволюционной рождественской открытки.

Впрочем, до православного Рождества оставалось ещё больше месяца. Да и готовилась сейчас вся Москва не к нему, а к торжеству иного рода.

– Два года, – прошептал Валентин Сергеевич, сам удивляясь этому непомерному для него сроку. – А ему через три недели стукнет шестьдесят...

Кто был он, будущий юбиляр – знал каждый житель Страны Советов. Двадцать первого декабря товарища Сталина готовился чествовать весь бескрайний Советский Союз. И, само собой, столица СССР – Москва. Однако руководитель проекта «Ярополк» вспоминал сейчас о Хозяине совсем не поэтому.

Во-первых, ровно два года тому назад, день в день, он встречался с Иосифом Виссарионовичем в его кремлевской резиденции: товарищ Сталин удостоил его первой и пока что единственной беседы с глазу на глаз. Тогда, 1 декабря 1937 года, прошло всего полмесяца с момента расстрела Глеба Бокия, прежнего шефа «Ярополка». И, когда Сталин во время аудиенции предложил ему, Валентину Смышляеву, возглавить проект, Валентин Сергеевич решил: сам он и полугодом не протянет на этом посту. Повторит судьбу и Глеба Бокия, и своего знакомца Александра Барченко. Даже официальный приговор ему выносить не станут. Ведь официально Валентин Сергеевич Смышляев, актёр, режиссёр и теоретик театра, для всех и так был мёртв уже больше года. Умер от инфаркта – как сообщили тем, кто его знал. И то, что в действительности его рекрутировали в «Ярополк», позволив жить и работать под псевдонимом *Резонов*, сам бывший актёр и режиссёр воспринял в 1936 году как отсрочку неизбежного, не более того.

Но вот, поди ж ты: он по сей день жив, здоров, и ровно два года как руководит этим проектом – самым невероятным и засекреченным в Союзе ССР!

«Пока жив и здоров!» – тут же одернул он себя мысленно. И после «во-первых» – событий двухлетней давности, – ум его без всякого перехода перескочил к «во-вторых»: делам теперешним. Не предъюбилейным, не праздничным – отнюдь нет. Дела, о которых он теперь думал, могли уничтожить его, *товарища Резонова*, быстрее, чем растаял бы декабрьский снег возле батареи парового отопления.

Поэтому-то он и вызвал к себе сегодня своего сотрудника, которого одни именовали за глаза выскочкой, другие – считали авантюристом, угнездившимся в НКВД, а третьи подозревали в нём чуть ли не врага народа под личиной офицера госбезопасности. Однако Смышляев знал наверняка: если кому-то и будет под силу вникнуть в суть произошедшего, так это ему – авантюристу, выскочке, но уж точно не врагу.

Валентин Сергеевич поднялся из-за стола и включил в кабинете свет: декабрьские сумерки уже клубились по углам. Картинка за окном тут же пропала – перестала быть видной. Зато Смышляев-Резонов разглядел в оконном стекле своё собственное отражение: невеселое лицо мужчины возрастом хорошо за сорок, с зачесанными назад темными волосами, облаченного не в форму госбезопасности, а в темно-синий костюм-тройку. В глазах этого мужчины читалось что-то вроде обречённого смирения. Однако в изгибе собственных губ Валентин Сергеевич уловил – сам тому удивившись – упрямство и решимость.

Да, одна его часть вроде бы и готова была сгнуться в коловращениях политических дрызг и бесконечных наветов. Но другая его часть – которая, быть может, и составляла истинную его сущность, – планировала ещё побороться. И собиралась бороться до последней черты – а, возможно, и за нею тоже.

Тут на столе руководителя «Ярополка» задребезжал телефон – внутренний, секретарский. Валентин Сергеевич шагнул к аппарату, снял трубку – зная уже, что сейчас услышит. И не ошибся.

– Старший лейтенант госбезопасности Скрябин здесь, – донесся из трубки голос секретаря.

2

Николай Скрябин – протеже, между прочим, самого Хозяина, – явился в форме НКВД: гимнастерке цвета хаки с двумя красными эмалевыми шпалами в краповых петлицах, темно-синих бриджах с малиновым кантом и начищенных сапогах. Валентин Сергеевич удивился: обычно Скрябин предпочитал *партикулярное платье* – как говаривали в старину. Да и потом – все сотрудники «Ярополка» мало, что не обязаны были носить форму, но и вообще не имели права её надевать без особого разрешения за пределами здания НКВД. Ведь формально никакого проекта «Ярополк» в составе Наркомата никогда не было. И, разумеется, официально не существовало ни одного из дел, которыми проект занимался.

Скрябин явно понял, почему шеф смотрит на него с таким удивлением – чуть усмехнулся. И от этой усмешки стал выглядеть даже моложе тех двадцати трёх лет, которые ему сравниваются через две недели. У них с товарищем Сталиным дни рождения были с разницей в пять дней. Ну, и в тридцать семь лет. Заняв посетительский стул, на который ему указал Валентин Сергеевич, молодой человек проговорил:

– Я прямо с предъюбилейного собрания – ради него пришлось надеть форму. Лаврентий Павлович готовится рапортовать товарищу Сталину о небывалых успехах в борьбе с преступностью в преддверии торжественной даты.

Смышляева, конечно, никто на это собрание не приглашал. И не из-за отсутствия у него формы госбезопасности. *Что* произошло бы, если бы в зале очутились те, кто видел его в той, прежней жизни, какая была у него до проекта «Ярополк»? К примеру, на театральной сцене – в какой-нибудь из ролей? Решили бы, что он воскрес из мёртвых? Ведь даже в «Ярополке» один только Николай Скрябин был осведомлен о его истинной личности. Да и то лишь потому, что со Скрябиным нынешнему руководителю проекта привелось впервые встретиться ещё летом 1936 года. *До* того, как Валентин Сергеевич умер для тех, кто водил с ним знакомство прежде. Хотя Миша Булгаков, его старинный приятель, и догадывался почти наверняка, что известие о смерти Смышляева было *несколько преувеличено*...

Ну, а на сегодняшнем собрании нарком внутренних дел Берия уж точно не пожелал бы увидеть своего мнимоумершего сотрудника. Глава НКВД считал: для него пробил час триумфа, когда на Лубянке и духа не осталось от его предшественника – человека *в ежовых рукавицах*.

«Ещё бы Лаврентий Павлович не готовился рапортовать: он ведь пока ни о чём не знает!» – Смышляев едва не сказал это вслух. И на миг ему почудилось, что он эти слова и вправду произнёс – таким настороженным сделался вдруг взгляд Николая Скрябина.

Однако у молодого человека обнаружилась иная причина так смотреть.

– И я ещё не переговорил с Ларисой Рязанцевой, если вы об этом хотели меня спросить, – сказал он.

Смышляев знал: Лариса Рязанцева – невеста Николая Скрябина, сотрудница Библиотеки имени Ленина, – готова была стать участницей проекта «Ярополк». И Валентин Сергеевич только порадовался бы этому: в таких кадрах он нуждался. А требование о недопустимости семейственности можно было бы обойти – после того, как Скрябин и Рязанцева официально вступили бы в брак. Мало ли какими официальными требованиями пренебрегал «Ярополк»! Однако Николай Скрябин уже несколько месяцев кряду пытался морочить своему шефу голову, заявляя: «Лариса Владимировна пока не приняла окончательного решения!»

Хотя Смышляев знал: дело состояло в другом. Сам Скрябин *принял решение*: не допустить, чтобы его невеста присоединилась к «Ярополку». И причины для этого, по правде говоря, имелись. Но сейчас Валентина Сергеевича не волновало трудоустройство Ларисы Рязанцевой – которая наверняка вскоре станет Скрябиной.

– Не переговорили – и не надо, – легко произнес он (у Николая Скрябина даже дрогнули от удивления уголки губ). – Не о Ларисе Владимировне я хотел вас спросить. Вам что-нибудь известно о жизни и, главное, о смерти Марины Мнишек?

Такому вопросу Скрябин, похоже, не удивился. Надо полагать, расследования по линии «Ярополка» заставляли его давать ответы и на более странные вопросы.

– Марина Мнишек, амбициозная польская красавица, ухитрилась побывать женой обоих Лжедмитриев, – сказал он. – От кого-то из них она родила сына. Была объявлена царицей Московской. Но всё для неё кончилось очень плохо. Ребёнка повесили прямо на её глазах, а её саму по одной версии тоже повесили, а по другой – утопили.

Он поглядел на Валентина Сергеевича, и тот коротко кивнул:

– Кое-кто явно тоже считал, что утопили. – С этими словами он подтолкнул к Николаю Скрябину через стол картонную папку-скоросшиватель, открыв её так, что на развороте оказалась вырезанная из газеты заметка.

– *Тело утопленной женищины найдено в Маринкиной башне Коломенского кремля*, – вслух прочёл Николай Скрябин газетный заголовок, а потом быстро пробежал глазами короткую заметку, содержание которой Валентин Сергеевич успел выучить наизусть. Знал, что говорилось в ней следующее:

Вчера, 10 сентября 1939 года, была сделана страшная находка во время экскурсии школьников в Маринкину башню Коломенского кремля. В подвале башни, где в царствование Ивана Грозного располагались пыточные камеры, школьники и их учительница наткнулись на большой чан с водой. Из чана торчали обнаженные женские ноги, тогда как тело их обладательницы находилось под поверхностью воды. И запах свидетельствовал о том, что утопление произошло много часов назад. Учительница сразу же вывела детей из подвала и послала одного из школьников за нарядом милиции.

Прибывшие милиционеры извлекли из чана утопленницу, к шее которой оказался привязан прочной веревкой мельничный жернов средних размеров. Он, по всей видимости, служил тем грузом, который не позволил несчастной выбраться из воды, а впоследствии не дал её телу всплыть. Следователь Коломенского угро сообщил, что тело, по мнению экспертов, пролежало в воде не менее недели, прежде чем было найдено. Убитую опознали: ею оказалась 37-летняя жительница города, имя которой в интересах следствия не разглашается.

Закончив чтение, Николай Скрябин не удержался: закрыл папку – посмотрел на обложку. И, увидев на ней красный штамп МУРа, хмыкнул и чуть покачал головой. Странное дело: одновременно с этим люстра под потолком кабинета мигнула – погасла секунды на три. А снег на улице, совсем недавно – пушистый и невесомый, внезапно отяжелел, набух влагой. И начал

прилипать к оконным стеклам, ложась на них плотно, как ложатся на канву крестообразные стежки.

– Не думаю, что тут существует действительная связь с гибелью Марины Мнишек. По крайней мере, такая связь, какой мог бы заинтересоваться «Ярополк». – Скрябин издал короткий, почти неуловимый вздох сожаления. – История произошла недавно, а Марину – жену двух самозванцев – убили больше трёх веков назад. Да и вообще, раз уж речь зашла о той башне: существует версия, что Марину там не убивали. Она будто бы сама умерла *от тоски по воле*. А этим преступлением, – старший лейтенант госбезопасности указал на скоросшиватель, – как я вижу, занимается уголовный розыск. Причем коломенским следователям и муровцы помогают.

– История из газеты – недавняя, вы правы, – сказал Валентин Сергеевич. – А что касается муровцев – к ним сведения об этом убийстве попали, можно сказать, случайно. Ваш знакомец, Денис Бондарев, запросил сводку по всем происшествиям определённого рода – после того, как нечто подобное произошло в Москве. И, хоть Коломна в 100 километрах от столицы, это дело тоже к нему попало.

Скрябин выпрямился на стуле и на миг стал похож на охотничьего пса, сделавшего стойку.

– Что, в Москве тоже кого-то бросили в воду с жерновом на шее?

Смышляев скривился и пожевал губами – сам себя презирая за такую стариковскую мимику.

– Не с жерновом и не в воду... Но – да: в Москве тоже кое-что случилось.

И он подвинул Скрябину через стол ещё две картонные папки с муровскими штампами на обложках.

3

Формально Денис Бондарев, недолгое время и сам состоявший в «Ярополке», не имел права передавать эти документы Валентину Сергеевичу. И Смышляев ловил себя на трусливой мыслишке: лучше бы его бывший сотрудник подчинился бюрократическим требованиям! Хотя отлично понимал: то была бы всего лишь отсрочка.

Ну, а Скрябин – он в эти папки так и вцепился. Однако по мере того, как он читал, на его выразительном, как у киноактёра, лице всё явственней отображалось разочарование. Что, впрочем, было и понятно: одну и ту же ключевую улику Валентин Сергеевич из всех трёх дел пока что изъясил. Хотел выяснить, какое впечатление эти материалы произведут без неё.

Первую папку старший лейтенант госбезопасности изучал не без интереса: несколько раз покачивал головой, поднимал в изумлении брови. Grimаса разочарования возникла у него на лице, когда он просмотрел материалы во втором скоросшивателе. Снова хмыкнув, молодой человек поглядел на своего шефа так, будто ожидал от него разъяснений. Однако Смышляев ничего разъяснять не пожелал – спросил:

– И что вы об этом думаете?

– Ну, – Скрябин ладонью прижал к столу первую из папок, – дело о гибели женщины в подвале Детской городской клинической больницы №1 и вправду не назовешь тривиальным. Как она попала в подвал того корпуса – закрытого на ремонт ещё летом? Кто-то её туда заманил, а потом запер? Но зачем? Добивался, чтобы жертва умерла от голода и жажды? Сложный способ убийства – и без гарантированного результата. Женщину могли обнаружить не полгода спустя, а на другой же день. Или это был просто несчастный случай: погибшая сама пошла зачем-то в подвал и нечаянно захлопнулась там? Хотя – раз в МУРе завели дело об убийстве, то, стало быть, нашлись доказательства, что имел место криминал.

– Несчастливым случаем там и не пахло, уверяю вас. – Валентин Сергеевич криво усмехнулся. – А что вы о втором деле скажете? Я полагал, оно вас наведёт на определённые раз-

мышления. Неужто никакие мысли у вас не возникли – в связи со всеми тремя делами одновременно?

Старший лейтенант госбезопасности насупился и потерял бумаги во второй из папок. Смышляев, мысленно усмехнувшись, подумал: с таким видом теребила бы застиранный передник старорежимная кухарка, если бы хозяйка начала учить её, как нужно стирать.

– Вероятно, – Скрябин изобразил, что рассматривает бумаги в папке, – я не дозрел ещё до понимания таких дел. Да, на Каляевской улице, в самом центре Москвы, обнаружили гражданина, который повесился в своей квартире. Возможно, это не было самоубийством: странгуляционная борозда на фото выглядит двоякой. Но, во-первых, петля могла поначалу затянуться нетуго. А, во-вторых, если даже имела место инсценировка суицида, делом этим должен заниматься МУР, а не «Ярополк».

Старший лейтенант госбезопасности выдержал паузу, коротко глянув на своего шефа. Однако тот хранил молчание, так что Скрябин сам продолжил говорить; и тон его сделался откровенно язвительным:

– Но я догадываюсь, на что вы намекаете. Да, я заметил... скажем так: топонимическую параллель. И что дальше? Ведь так можно связать что угодно с чем угодно! Хоть Куликовскую битву с чёртом на куличиках!.. Да, эсер Иван Каляев, в честь которого назвали улицу, был повешен. Только что это доказывает? Если завтра на Ухтомской улице в Лефортове кого-то застрелят, вы станете искать связь с бессудным расстрелом революционера Ухтомского в 1905 году? Конечно, с Маринкиной башней история куда более интересная, – в голосе его промелькнуло жадное сожаление, – но опять же – не прерогатива «Ярополка» расследовать подобные дела.

Смышляев таким словам не удивился. Скорее уж – порадовался им. У Николая Скрябина имелись серьёзные недостатки, главным из которых была, несомненно, его самонадеянность, превосходящая все мыслимые пределы. Но вот легковерие в число его недостатков точно не входило. Скорее уж – он был закоренелым скептиком, прямо как апостол Фома. Потому, вероятно, он и стал к своим двадцати трем годам лучшим следователем проекта «Ярополк»: единственной в Союзе ССР структуры, занимавшейся расследованием преступлений паранормального свойства.

Но всё же Валентин Сергеевич не смог удержаться: решил слегка подначить своего подчиненного.

– Вы забыли про детскую больницу № 1! Её ведь вся Москва по сей день именуется Морозовской. А Федосью Морозову, знаменитую раскольницу, уморили в своё время голодом, если вы помните.

Нефритово-зеленые глаза Скрябина вспыхнули чуть ли не гневно:

– Но так больницу же не в честь боярыни Морозовой назвали!..

– Считаете, я этого не знаю? – Валентин Сергеевич спрятал улыбку – хоть ситуация совсем не располагала к тому, чтобы улыбаться. – Да, мне не хуже вашего известно: детская больница получила своё наименование в честь московского купца Викулы Морозова, который завещал деньги на её строительство. Но для того, с чьими деяниями мы столкнулись, вряд ли это имеет значение. Для него все эти наименования – просто символы. Он вообще на символы падок...

Смышляев на полуслове умолк и вытащил из верхнего ящика своего стола ещё одну папку. Уже не картонную – из чёрного кожзаменителя, с белой бумажной наклейкой на титульной стороне обложки. Именно такие недавно стали использовать в «Ярополке», заводя дела.

Скрябин подался вперёд и прямо-таки впился взглядом в эту папку, которая вдруг сама собой трепыхнулась в руках Смышляева. И тот понял: ещё мгновение – и молодой человек просто выдернет её у него из рук, даже к ней не прикасаясь. А потому быстро произнес:

– В деле этом, видите ли, есть одна деталь, о которой вы пока не знаете. На местах всех трёх... м-м-м... *происшествий* обнаружился нанесенный на стену белый знак. – Валентин Сергеевич отщелкнул кнопку на папке и раскрыл её; в ней лежали одна на другой три фотографии, верхнюю из которых он взял в руки. – Рисунок явно сделали при помощи трафарета, поскольку все три символа полностью идентичны. Наш общий знакомец Денис Бондарев поначалу решил, что изображение нанесли свинцовыми белилами. Вот только – экспертиза показала: никакие это были не белила. Потому-то Бондарев и рискнул связаться со мной. Посмотрите-ка – что вы об этом скажете?

И Смышляев двумя руками, будто ценное подношение, протянул Николаю Скрябину снимок, сделанный фотографом Коломенского угро в подвале Маринкиной башни.

Глава 2. Молчать – нельзя – рассказать!

1 декабря 1939 года. Пятница

1 июля 1936 года. Среда

Москва

1

Когда Скрябин увидел эту небольшую – 10 на 15 сантиметров – фотографию, то моментально решил: он стал жертвой оптического обмана. Возможно, яркий электрический свет в кабинете вызвал короткую вспышку у него в глазах. И на его сетчатке сам собой возник белый отпечаток символа, виденного им тогда – три с половиной года назад. А на деле фотоснимок с места убийства отображает нечто иное – хоть и автограф безумца, но не выходящий за грань обыденного. Скажем, шестиконечный крест с двумя прямыми перекладинами, какой в геральдике называют «лотарингским» или «анжуйским».

Николай на пару секунд зажмурился, надеясь: вот сейчас наваждение пропадет. Но, когда он снова открыл глаза, перед ним на столе по-прежнему лежала фотография, запечатлевшая ту самую особую эмблему: то ли ключ, то ли крест.

– Вы уже видели такой символ прежде, – донесся до Скрябина – словно бы издали – голос Валентина Сергеевича.

Вопросительной интонации в этой фразе не было. Шефу «Ярополка» трудно было отказать в пронизательности: выражение лица подчиненного ему вмиг всё сказало.

Николай взял фотографию со стола и поднёс к самым глазам. Не потому, что ему захотелось ещё разок проверить собственное зрение – он пытался отыскать отличия. Тот символ – на чёрном сосуде в дачной коммуне Бокия – он созерцал меньше минуты, однако помнил его в мельчайших деталях. Ещё бы ему было не помнить – в свете всего, что произошло потом: меньше, чем через месяц после его авантюрной вылазки! Да, тот символ был чёрным, как и вся мнимая салатница, и являл собой барельеф, а не рисунок. Но никаких других расхождений Скрябин углядеть не мог.

– Чем же этот знак нанесли на стену – если не белилами? – Николай развернул фотографию лицевой стороной к своему шефу.

– Это оказалась суспензия из нескольких десятков компонентов. – Валентин Сергеевич извлек из той же папки лист бумаги с рукописным текстом, пробежал его глазами. – В неё входят золото, серебро, сера, сурьма, мышьяковистый пирит... Знаете, что это такое? – Он поднял взгляд на своего подчинённого.

– Минерал железа с примесями мышьяка и сурьмы. Что ещё?

– Да много чего! Свинец, винная кислота, калиевая селитра... Но, я думаю, вы и так уже всё поняли.

Скрябин кивнул:

– Думаю, и Денис Бондарев это понял, хоть он и недолго пробыл в «Ярополке». Все эти ингредиенты использовали средневековые алхимики в своём Великом Делании: поисках философского камня, способного, среди прочего, обращать свинец в золото. Мне другое непонятно. Каким образом смесь из этих веществ приобрела ярко-белый цвет? А ещё – уж извините за прямоту – я не понимаю, почему вы не вызвали для консультаций по этому делу нашего штатного, так сказать, алхимика: Святослава Данилова?

Валентин Сергеевич не рассердился – губы его лишь искривились в невеселой усмешке.

– А с чего вы взяли, что я его не вызывал? Он был здесь незадолго до вас. И высказал своё ответственное мнение: вещество, которым наносили на стены белый знак, продуктом Великого Делания не могло быть. То есть, могло, конечно – но лишь в качестве результата неудачного опыта. Осуществить при помощи него трансмутацию неблагородных металлов в золото невоз-

можно. Но зато Данилов дал ответ на ваш первый вопрос. По его словам, при составлении белой суспензии использовали так называемый универсальный растворитель, открытый когда-то великим врачом и алхимиком Парацельсом. Данилов и название этого вещества упомянул: *алкахест*. Вот он-то – алкахест, не Данилов, – и придал получившейся субстанции белый цвет.

Николай ощутил, как тыльные стороны его ладоней будто тысячами иголок закололо. Он положил фотографию на стол и отодвинул её от себя. А потом, сам едва осознавая, что делает, вытер о бриджи руку, в которой он до этого держал снимок.

– Скрыбин! – позвал Валентин Сергеевич, явно наблюдавший за ним. – Довольно вам темнить! Выкладывайте уже, что вам обо всём этом известно! Вы ведь не только видели прежде такой знак – вы и про алкахест слышали.

– Возможно... – Николай ощутил сильнейшее жжение в задней части горла; если бы можно было, он распахнул бы окно, высунул наружу голову и принялся ловить ртом хлопья снега. – Возможно, такой символ я уже видел. И, пожалуй что, слышал об алкахесте.

Тут уж даже *товарищ Резонов*, обычно – корректный с подчиненными, не выдержал, вспылил:

– Да вы издеваетесь, наверное, Скрыбин?! А ну-ка, выкладывайте всё! Считайте, что это прямой приказ.

Николай чуть было не рассмеялся.

– Да неужто вы думаете, что, если бы я мог *всё выложить*, то промолчал бы? Я не могу ничего рассказать вам, в том-то и проблема. Дал слово одному человеку: хранить эту информацию втайне.

– И кто с вас такое слово взял? Уж не ваш ли отец?

– Почти угадали!.. – Скрыбин издал то ли смешок, то ли кашель – он и сам не уразумел, что это было. – Мой отец в произошедшем тоже поучаствовал.

2

В первый день июля 1936 года у Коли Скрыбина впервые за много месяцев состоялся серьезный разговор с отцом. Тот заехал к нему на квартиру якобы затем, чтобы проведать его перед своим отбытием на Юг, в дом отдыха Совнаркома. Но Николай не сомневался: отец решил нанести ему визит исключительно ради предстоявшего разговора. Слишком хорошо он знал отцову скрытность. И думал порой: если бы его папе каждый день предлагали расставлять знаки препинания в повелительном предложении «*Молчать нельзя рассказать!*», тот всегда ставил бы запятую после первого слова. Такой человек ни за что не стал бы откровенничать с бухты-барахты.

В тот день Скрыбин возвращался домой сразу после торжественной церемонии, устроенной для выпускников вечерних курсов ГУГБ НКВД. Колин друг, Миша Кедров, был произведён в звание сержанта госбезопасности, а сам Скрыбин, к удивлению многих, сразу стал младшим лейтенантом госбезопасности. И около десяти часов вечера он в новенькой форме вернулся в свою квартиру на Моховой улице, где, как выяснилось, его уже с полчаса поджидал гость. Об этом Николаю ещё на улице сообщили охранники, дежурившие возле подъезда его дома. Партийные и государственные деятели такого уровня, к какому принадлежал Колин отец, без охраны не ездили.¹

– Здравствуй, папа, – сказал Коля, войдя в комнату, куда лишь с улицы пробивался свет фонарей: люстра под потолком не горела.

Отец кивнул ему, не вставая с дивана. И юноша мысленно усмехнулся: сумерки сыграли с его папой небольшую шутку. Сталинский сановник сидел, опираясь на тот подлокотник, кото-

---

¹ Прототипом отца Николая Скрыбина стал крупный государственный деятель сталинской эпохи, известный всем под партийным псевдонимом, но в действительности носивший фамилию *Скрыбин*. В 1939 г. этот человек возглавлял Совет Народных Комиссаров (СНК) СССР и Народный комиссариат иностранных дел (НКВД). Однако нет никаких сведений о том, что у него имелся сын Николай. Родство этого исторического лица с героем романа – вымысел автора.

рый давным-давно облюбовал для себя Колин персидский кот – Вальмон. Котяра обычно спал, вжавшись в диванный валик пушистым белым боком. И теперь, когда его законное место было занято, он с оскорбленным видом возлежал на подоконнике. И бросал мстительные взгляды на незваного гостя – явно догадываясь, как будут выглядеть его отутюженные черные брюки, когда он с дивана поднимется.

Впрочем, произошло это не тотчас. Николай зажег свет в комнате, и они с отцом положенное время поговорили на малозначащие темы. А потом, словно бы спохватившись, Колин папа сказал:

– Да, и вот ещё что! Хочу тебя предупредить насчет Бокия. К сожалению, ты с ним непременно увидишься на практике в НКВД. Так вот: держись от него подальше. Сейчас он, разумеется, на коне – во всяком случае, он сам так думает. Но, уверяю тебя, в скором будущем всё изменится.

Николай не удивился, понимающе кивнул: осведомленности своего отца он привык доверять. И у юноши не возникло сомнений в том, что судьба большевика-ленинца, участника всех революций и одного из создателей ГУЛАГа Глеба Бокия в скором времени переменится. Раз отец так говорил – стало быть, знал наверняка.

– А главное, – продолжал между тем один из самых информированных в государстве людей, – не соглашайся с ним никуда ехать.

Тут он заметил на своих брюках облепившие их белые волокна, с трудом обобрал небольшую их часть с чёрной шерстяной ткани и в щепоти поднес к глазам.

– Что ты имеешь в виду? – На сей раз Коля и впрямь удивился.

– Ладно, скажу по-другому: будет Бокий звать тебя на свою дачу в Кучино – не езд. Ни под каким видом. Тьфу ты, дьявол... – Сталинский сановник, похоже, уразумел, что он держит маленький пучок белой кошачьей шерсти, и с силой встряхнул рукой, сбрасывая его на пол.

– Бокий что – какой-нибудь извращенец? – Коля попытался скрыть насмешливую интонацию в своем вопросе, но, вероятно, ему это не удалось: его отец одновременно и смутился, и разозлился.

– Да не выдумывай ты лишнего! Он просто старый... – И Колин отец в сердцах произнес непечатное слово, означающее большого любителя легкодоступных женщин, а потом пересел с дивана на стул: маневр запоздалый и явно бесполезный.

Насчет *старого* он, с точки зрения своего девятнадцатилетнего сына, был прав. Бокий являлся ровесником самого товарища Сталина – родился в 1879 году. Но вот нецензурный эпитет заставил Колю недоверчиво хмыкнуть. Если уж на кого не походил Глеб Иванович, так это на человека, превыше всего ставившего любовные утехи. Сомнения, должно быть, отразились на лице Коли, потому как его отец со вздохом выговорил:

– Хорошо, объясню всё подробно – дабы ты не думал, что я возвожу на него напраслину.

И он объяснил.

В подмосковном поселке Кучино Глебом Ивановичем была создана *дачная коммуна*. Во всяком случае, так это называли все, кто там бывал. На деле же коммуна Бокия носила характер совершенно конкретный. Колин отец, указывая её назначение, произнес ещё одно непечатное слово.

Глеб Иванович установил для своих гостей, наезжавших к нему субботними вечерами, непреложное правило: весь вечер, всю ночь, весь воскресный день и ещё одну ночь под понедельник они должны были заниматься пьянством и, культурно говоря, сексуальным развратом. Для оргий в *коммуне* собирались, как правило, подчиненные Бокия вместе с женами. Но порой кого-то приглашали и со стороны.

Начинался прием гостей более или менее пристойно – с общей трапезы. Правда, перед ней каждый приехавший должен был непременно выпить, не закусывая, пять стопок водки. А уж потом ему предоставлялось право решать, станет он пить дальше или нет. Затем собрав-

шихся потчевали недурным угощением. И, пока они поглощали еду, на даче топилась баня. Туда-то – разомлевшие и размякшие – гости и направлялись всей гурьбой, едва темнело. И, конечно же, мужского и женского отделений в «парилке» Глеба Ивановича не имелось. Причем, ещё находясь в доме, гости снимали с себя одежду. И оставались, в лучшем случае, полубнаженными. Но, в большинстве своем – в костюмах Адама и Евы.

– Ну, а в бане, – говорил Колин отец, кривя рот, – Бокий выбирает себе тех женщин, которые ему особенно приглянулись, и употребляет их первым. А затем начинается – все со всеми...

– И что же, – изумился Коля, – мужья позволяют, чтоб их жен прямо у них на глазах?..

– Ты прямо как дитя... – усмехнулся его отец. – Попробовали бы они не позволить! Да и знают они, зачем их зовут – и мужики, и бабы. Даже название для всей этой групповухи придумали: *культ приближения к природе*. Скажу больше: у Бокия есть две дочери, так он их тоже к этому делу подключил.

Некоторое время и отец, и сын молчали. Коля переваривал услышанное, а его отец, вероятно, наслаждался произведенным эффектом. Наконец, решив, что выдержана уже достаточная пауза, сталинский сановник проговорил:

– Теперь, я думаю, ты понимаешь, почему соваться туда не стоит. Во-первых, якшаться со всякой идеологически невыдержанной шантрапой тебе незачем, а во-вторых, ещё, чего доброго, подхватишь какую-нибудь дурную болезнь. Поэтому ты должен пообещать мне, что никуда не поедешь, даже если Бокий будет тебя уговаривать.

– Обещаю: ни в каких оргиях я участвовать не стану, – проговорил Коля серьезно, а затем, не выдержав, добавил с усмешкой: – А если Бокий будет настаивать, скажу, что мне папа запретил.

– Так и скажи, – кивнул отец, даже не улыбнувшись. – Но без нужды с Бокием на конфронтацию не иди. Хоть его дни и сочтены, он может ещё укусить. И укусить больно.

– Да, я понял, – кивнул юноша, а затем добавил без всякого перехода:

Он скошен был в цвету его грехов,

Врасплох, не причащен и не помазан.

– «Гамлет», – безошибочно определил Колин отец, получивший в свое время хорошее образование. – Только не пойму, что ты имеешь в виду.

– Что же тут непонятного? *Некто* хочет выяснить, прежде чем покончить с Бокием: как далеко тот собирается зайти в своих бесчинствах? Предоставить ему возможность закоснеть в грехах, выражаясь поэтически. Или, ты думаешь, *тот человек* ничего не знает о проделках Глеба Ивановича?

Колин отец поерзал на стуле, стоявшем возле круглого обеденного стола, и покосился на дверь. После чего внезапно вскочил, подбежал к ней и распахнул настежь: за дверью никого не оказалось. После этого странного действия он сел на место, искоса глянул на сына и тихо сказал:

– Конечно, *он* знает. – Ясно было, кто такой этот «он»: Хозяин, товарищ Сталин. – И остановить Бокия он мог бы в любой момент – но не останавливает же. Значит, Бокий пока ему нужен.

– Дело не в том, что нужен, – раздумчиво проговорил Коля. – Уверен, *ему* просто нравится искушать Глеба Ивановича – как и многих других. Он ощущает себя при этом Господом Богом. И в Бога он верует, не сомневайся. А также верует в то, что, чем сильнее погрязнут в земной трясине его оппоненты, тем в большей степени они заслужат свою кару на земле. И тем вернее отправятся в ад после смерти.

Колиного отца аж перекосило при этих словах. Но он быстро совладал с собой и с превеликой бодростью хлопнул Колю по колену.

– Ладно, что это мы с тобой разговариваем о всяких глупостях?.. Пусть у Бокия о таких вещах голова болит. Я удивлюсь несказанно, если этот сатир протянет ещё хотя бы год. Но всё-таки хочу тебе напомнить: будь осторожен.

– И ты тоже, – произнес Коля – почти машинально, даже не успев подумать, почему он это говорит.

Отец его заметно вздрогнул и впился взглядом в Колино лицо. Но затем отвел глаза – не задал вопроса, который явно вертелся у него на языке. И больше к теме осторожности они в тот вечер не возвращались.

3

– Это всё, Валентин Сергеевич, что я вправе сообщить вам касаясь данного дела, – промолвил Николай, закончив свой рассказ.

Обещания молчать о бокиевской *коммуне* с него никто не брал. Да и какой в том был бы смысл? Поздно закрывать конюшню, когда лошадь убежала. Слухи о художествах Глеба Ивановича к тому времени расползались, будто швы на старом тулупе. И никто их расползанию особенно не препятствовал.

– Понимаю. – Шеф «Ярополка» медленно опустил голову – то ли согласно кивнул, то ли просто понурился, упершись подбородком в грудь.

Минуты три или четыре они молчали, и слышалось одно лишь влажное шлепанье снежных хлопьев по оконному стеклу. А потом Валентин Сергеевич снова заговорил:

– Мне и самому кое-что известно о веществе, именуемом *alkahest*. Я знаю, к примеру, что это не только универсальный растворитель. При малой концентрации это ещё и универсальное лекарство. Можно сказать, панацея, эликсир жизни. Во времена Парацельса верили, что при помощи алкахеста человек может на очень, очень долгий срок продлить свое физическое существование. И как пригодились бы сейчас такое лекарство одному нашему общему знакомому!..

Он поднял взгляд на Николая, и тот прочёл в глазах своего шефа глубокую печаль, но вместе с тем – ещё и затаенное упрямство. Конечно, Скрябин понял, о ком Валентин Сергеевич ведёт речь. Николай впервые повстречался со Смышляевым летом 1936 года, как раз перед тем, как биография актёра и режиссёра сделала сальто-мортале. И поводом для их встречи послужили события в жизни того, кто так нуждался теперь в универсальном лекарстве. «И зачем он только вернулся туда!..» – в который уже раз подумал Скрябин, и рот его наполнился горькой слюной. Он позабыл на миг о нынешнем деле, из-за которого его вызвал шеф. Да мало того: он позабыл даже о человеке, который связал его обещанием помалкивать обо всём, что произошло 4 июля 1936 года в посёлке Кучино.

– Я хотел бы снова увидеться с Михаилом Афанасьевичем, если это возможно, – проговорил Николай.

Но Валентин Сергеевич покачал головой:

– Я точно знаю: он сейчас не дома – уехал в Барвиху. Врачи в тамошней санатории пытаются его лечить... – Он длинно вздохнул, а затем продолжил уже иным тоном: деловитым, собранным: – А вам, Скрябин, в ближайшие дни, боюсь, будет не до частных визитов. Если я правильно вас понял, вы не видите возможности обратиться с просьбой к *тому человеку*, чтобы он освободил вас от данного ему слова?

Скрябин усмехнулся – без всякой веселости.

– Вряд ли это сейчас будет уместно. – А потом, чуть подумав, прибавил: – Вряд ли это хоть когда-нибудь окажется уместным.

На сей раз *товарищ Резонов* кивнул коротко и отчётливо, а затем с силой потер двумя руками своё гладко выбритое лицо. Проницательность явно и в этот раз ему не изменила. И он без всяких объяснений понял, кто был *тот человек*. Но даже Валентин Сергеевич не сумел

бы вообразить себе всех деталей скверной истории, приключившейся с его нынешним подчиненным три с половиной года назад.

«Молчать нельзя, рассказать!..» – мелькнуло у Николая в голове.

Однако он отлично представлял себе, что произойдёт, если он свое обещание нарушит. *Тот человек* сразу обо всём узнает, уж будьте благонадежны! И для этого ему не придётся переодеваться, как Гаруну аль Рашиду, чтобы бродить по городу инкогнито и беспрепятственно слушать чужие разговоры. Найдутся люди, которые моментально поставят его в известность. А после этого...

Впрочем, дело состояло не только в той каре, которую Николай мог навлечь на себя и на весь проект «Ярополк», если бы проболтался. Дав слово, нужно было его держать, правильным это представлялось или нет. *Молчать, нельзя рассказать.*

И Валентин Сергеевич, казалось, мыслил в унисон с ним. Отведя ладони от лица, он проговорил – всё так же сдержанно и деловито:

– Хорошо. Нам нужно составить план расследования исходя из того, что мы можем себе позволить на данный момент. Какие предложения у вас будут?

Предложения-то у Скрябина были! Но ничего составить они с Валентином Сергеевичем не успели: у того на столе задребезжал секретарский телефон.

– Да, говорите! – раздраженно бросил в трубку шеф «Ярополка», а потом – он слушал секретаря не больше десяти секунд – с его гладко выбритым лицом произошла ужасающая перемена.

Только что это было лицо человека, ещё не достигшего пятидесятилетнего возраста. И вдруг разом, без всякого перехода, оно обратилось в старческую маску: пошло такими глубокими морщинами, что в них, казалось, можно было поместить жгуты из форменных петлиц сотрудников НКВД. Одновременно он начал дышать тяжело и хрипло, губы его побелели, и одной рукой он ухватился за столешницу.

Николай подумал: прямо сейчас шеф свалится со стула! И вскочил на ноги, чтобы успеть подхватить его. Однако тут же об этом пожалел.

– На Глебовской улице? – переспросил Валентин Сергеевич у секретаря – слабым, едва слышимым голосом.

И Скрябин вдруг ощутил: его собственные ноги стали ватными. А перед глазами у него начали подпрыгивать чёрные пятна. Так что пришлось ему вцепиться обеими руками в крышку стола, из-за которого он поднялся – чтобы не упасть самому.

– На Глебовской улице... – эхом повторил Николай.

Он понял, что там произошло.

Глава 3. Что сказал бы юбиляр?..

1 декабря 1939 года. Пятница

Москва. Черкизово

1

Сквозь белесую муть предвечерней метели то и дело просвечивали, будто рябиновые гроздья, кумачовые растяжки с лозунгами:

Да здравствует наш вождь и учитель ВЕЛИКИЙ СТАЛИН!

Великий Сталин – светоч коммунизма!

Слава родному СТАЛИНУ!

Но чаще, чем другие транспаранты, на глаза Николаю Скрябину попадались своего рода извещения-напоминания:

21 ДЕКАБРЯ 1939 ГОДА – 60-ЛЕТИЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ВОЖДЯ И УЧИТЕЛЯ ТРУДЯЩИХСЯ ВСЕГО МИРА И.В. СТАЛИНА!

Как будто хоть кто-то в Стране Советов мог бы об этом позабыть!

Всё это Николай фиксировал машинально: крохотные зарубки сами собой возникали у него в сознании. Да и хоровое пение из репродукторных раструбов они с Валентином Сергеевичем слышали лишь тогда, когда их чёрная «эмка» притормаживала у светофоров. А всё остальное время вокальные опусы заглушало урчание автомобильного мотора. Конечно, они вполне могли бы проезжать и на красный свет. Никто не остановил бы служебную машину с такими номерами, как у них. Однако товарищ Резонов подобного распоряжения шофёру не отдавал. Лишнее внимание им было совсем ни к чему. Хватало и того, что Скрябин, вопреки правилам «Ярополка», ехал сейчас на место преступления в форме старшего лейтенанта госбезопасности.

Переодеться он, конечно, не успел. Когда пришло известие об убийстве на Глебовской улице (сообщение передал в «Ярополк» всё тот же Денис Бондарев), Скрябин и Смышляев ринулись, очертя головы, к лифту: спускаться в служебный гараж. Муровец не доверил секретарю подробностей – просил только передать товарищу Резонову, что по такому-то адресу случилось *новое происшествие*. Но Николай и его шеф, даже ничего не обсуждая, всё поняли. Речь вряд ли шла о казни, которая имитировала бы расстрел бывшего руководителя «Ярополка» Глеба Бокия.

Секретарь Валентина Сергеевича едва-едва успел нагнать их, когда они уже садились в машину: передал им два овчинных полушубка, какие в НКВД всегда имелись про запас. И теперь этой верхней одежде предстояло стать хоть какой-то маскировкой. Скрыть знаки различия на гимнастерке Скрябина, когда автомобиль ГУГБ прибудет на окраину Москвы, в бывший посёлок Черкизово, где сейчас уже работала муровская следственно-оперативная группа.

Николай расслышал, как Смышляев, сидевший с ним рядом на заднем сиденье «эмки», прошептал с нервическим смешком:

– Интересно, что сказал бы юбиляр, если бы узнал о нынешнем происшествии в столице Союза ССР?

Произнеся это, он покосился на Николая с чуть виноватым выражением: абсолютно ничего смешного в происходящем не было. И сам руководитель «Ярополка» понимал это лучше всех. Но слова шефа, как и его мимолетный взгляд, Скрябин тоже зафиксировал чисто автоматически. С того момента, как чёрная лакированная «эмка» вырुлила из гаража НКВД и помчала от площади Дзержинского на восток Москвы, старший лейтенант госбезопасности пытался собраться с мыслями.

И ему было, о чём подумать.

Очевидным пока представлялось одно: нужно добиться официальной передачи в ГУГБ всех дел, в которых фигурировал *белый символ*. И тех трёх, в которых он уже обнаружился, и будущих, потенциальных. Об этом Николай и намеревался сказать шефу, когда поступил звонок насчёт Глебовской улицы. Вот уж никак не предполагал Скрябин, что новое дело возникнет прямо сегодня! Хотя, хотя...

«Я ведь не принял в расчёт, что три предыдущих преступления были разделены определёнными интервалами времени, – думал он теперь. – Казнь *боярыни Морозовой* явно произошла ещё в июле. С *Мариной Мнишек* расправились в конце августа или в самом начале сентября. А насчёт *дела Каляева* я вообще ничего не успел выяснить. И не исключено, что были ещё...»

Свою мысль он не закончил. Автомобиль НКВД свернул с довольно широкой и хорошо освещенной улицы, названия которой Николай не знал, в лабиринт узких улочек, где фонари горели через один. Да ещё из окошек деревянных домиков струился неяркий желтоватый свет, в котором кружащийся снег выглядел похожим на лепестки бумажных цветов. У Скрябина, как это с ним случалось в моменты особого беспокойства, закололо невидимыми иглами тыльные стороны ладоней. А вдыхаемый им воздух сделался вязким, как прошлогодний мёд. Старший лейтенант госбезопасности понял: они вот-вот окажутся на Глебовской улице.

«Надо будет сказать Валентину Сергеевичу, что мне потребуется информация обо всех, кто посещал дачную коммуны Бокия в 1936 году. – Николаю пришлось сделать над собой усилие, чтобы составить эту мысль – хоть чуть-чуть отвлечься его от предстоящего ужаса. – Только непонятно: если к убийствам причастен кто-то из *коммунаров*, то почему он выжидал три года? Или же – он просто оставлял свои прошлые деяния *неподписанными*?»

Тут «эмка» остановилась возле распахнутой калитки бревенчатого одноэтажного дома, стоявшего в глубине большого заброшенного сада. И Валентин Сергеевич, не дожидаясь, когда выйдет шофёр и откроет ему дверцу, сам выбрался наружу.

Однако дверь автомобиля он не захлопнул: так и остался стоять, опираясь на неё. Даже свой овчинный полушубок не застегнул, хотя порыв ветра тут же метнул пригоршню снега ему в распахнутый ворот. Но шеф «Ярополка» явно не заметил этого. Он глядел вперёд и вверх – туда, где за невысоким забором темнел искривлённый человеческий силуэт: метрах в трёх над землёй, с каким-то толстым шестом понизу, будто огородное пугало.

Николаю эта картина открылась, когда он, распахнув дверцу со своей стороны машины, шагнул на истоптанную дорожку, что вела к калитке. И он понял две вещи. Во-первых, они с Валентином Сергеевичем не ошиблись в своих предположениях. А, во-вторых, за забором виднелось вовсе не пугало.

2

Удивительная тишина царилась здесь. Нигде не лаяла ни одна собака. Не слышно было споров и переругивания участников следственной группы – без чего мало какое расследование обходится. Не подавали голосов жильцы близлежащих домов. А когда шофёр заглушил мотор «эмки», воцарилось самое натуральное белое безмолвие – прямо как у Джека Лондона. И, когда Николай захлопнул дверцу машины, все люди, собравшиеся возле *не-пугала*, моментально повернули к ним со Смышляевым головы.

Валентин Сергеевич прикрыл дверцу служебного автомобиля почти бесшумно. Зато Скрябин отлично услышал протяжный вздох, который издал шеф «Ярополка». А в их сторону уже торопливо шагал Денис Бондарев. На муровце тоже был овчинный полушубок, но он ещё и надел шапку-ушанку, в отличие Николая и Валентина Сергеевича, которые оказались под снегом с непокрытыми головами. Лицо муровца под ушанкой выглядело до такой степени искажённым, что Скрябин едва узнал бывшего коллегу.

– Товарищ Резонов... – Голос Бондарева звучал как-то *влажно*, будто он только что ел снег («А, может, и вправду ел!..» – мелькнуло в голове у Николая). – Я не стал сообщать по телефону вашему секретарю... Тут человека...

Муровец не договорил: в горле у него словно бы что-то булькнуло. А потом лицо его сморщилось, он раза три встряхнул головой и принялся тереть ладони одна о другую – словно пытался с них что-то счистить.

«Как бы его не стошнило прямо здесь!» – подумал Скрябин. И тут же забеспокоился: не приключилась бы и с ним самим такая штука. Да, за время, проведенное в «Ярополке», Николай насмотрелся на всякое. И считал: его трудно чем-либо всерьёз пронять. Только ведь и в МУРе служили отнюдь не выпускники балетных училищ!

Но – к делу-то надо было приступить. Николай быстро переглянулся с Валентином Сергеевичем, и тот коротко ему кивнул – давая понять, чтобы его подчиненный сам начинал разговор.

– Мы знаем, что здесь произошло, – сказал Скрябин как мог спокойно. – Убийца решил воспроизвести казнь майора Степана Глебова – любовника царицы Евдокии Федоровны. Ну, в смысле – на тот момент уже бывшей царицы. Государю Петру Алексеевичу она опостылела, и он спровадил её в монастырь, где она приняла постриг и стала именоваться инокиней Еленой. – Историю Николай Скрябин знал хорошо: когда-то собирался поступать учиться на исторический факультет университета, а не на юридический. – Белый знак нашёлся?

– Так потому я и позвонил! – Денис всё-таки совладал с собой и слегка приободрился. – Знак нарисовали с внутренней стороны забора. Прямо напротив... – Он, не оборачиваясь, кивком головы указал назад – на мнимое пугало. – Как если бы убийца хотел, чтобы *тот* на него смотрел.

Николай невольно поглядел туда, за забор, и снова ощутил загустение воздуха. Сунув руки в карманы полушубка – не из-за холода: чтобы скрыть дрожь в пальцах – Скрябин спросил:

– Судмедэксперты уже сделали предварительные выводы: когда наступила смерть жертвы?

– Предположительно: около двух часов назад.

– А кто тело обнаружил и когда?

– Примерно два часа назад и обнаружили. Жительница дома, находящегося через дорогу, пенсионерка, возвращалась из магазина и заметила *это*. – На сей раз он указал на убитого рукой, но снова – не поворачиваясь в его сторону. – Потом она рассказала нам, что сначала и не поняла – откуда в соседнем дворе возникла *каланча*. Ну, а когда подошла поближе и всё разглядела, то сразу и побежала обратно в тот же магазин: вызывать по телефону милицию.

Тут, наконец, подал голос и Валентин Сергеевич:

– Кто-нибудь в магазине слышал, *что* она говорила, когда звонила?

Денис Бондарев сразу же сник.

– Все, кто там был, слышали каждое слово! Она орала в трубку как резаная... Мы потом с продавщицей поговорили – сказали ей, что нужно помалкивать о случившемся. Так она прямо в лицо нам рассмеялась. Заявила: об этом уже половина Черкизова знает!

Валентин Сергеевич испустил очередной вздох. А Николай мысленно констатировал: совсем скоро все они выяснят, что думает о *деле креста и ключа* главный юбиляр страны. Сегодня обо всём прознала половина посёлка Черкизово, завтра слухи разлетятся по половине Москвы, а послезавтра всенепременно попадут в Кремль – ну, или на кунцевскую дачу Хозяина. И бесполезно было теперь брать с граждан подписку о неразглашении или угрожать им всяческими карами за болтливость. Что утекло, то утекло.

– А жильцы дома, в чьем дворе всё случилось – они-то где? – страдальчески кривясь, задал новый вопрос Валентин Сергеевич. – До сих пор на работе, что ли?

Денис покачал головой, но ответил уже без уныния – явно довольный, что успел всё загодя выяснить:

– Тут интересная история! Это частный дом, и по документам он принадлежит некому гражданину Озерову. Только он здесь не проживает. Дом вообще пустует уже больше года, как утверждают соседи. И где этот Озеров сейчас – неизвестно. Я подумал было: уж не его ли самого... Ну, вы понимаете... Но та соседка, которая нас вызвала, уверяет: убитого она никогда прежде не видела.

Валентин Сергеевич даже зажмурился на пару секунд: явно боялся потерять контроль над собой. Теперь им предстояло ещё и выяснять личность жертвы! Но, когда он заговорил, голос его звучал ровно:

– Странно, что обнаружили тело всего два часа назад. Ведь с улицы эту *каланчу* наверняка хорошо видно. – Тут он всё же не сдержался: так крутанул пуговицу на полушубке, что едва не оторвал её. – А жертва, если проводить аналогию со Степаном Глебовым, наверняка скончалась не сразу.

Николай передернул плечами. Он хорошо помнил исторические факты: несчастный майор Глебов в 1718 году промучился больше пятнадцати часов, прежде чем умер. Однако палач-имитатор совсем не обязательно должен был воспроизводить стародавнюю казнь один в один. И Скрябин очень надеялся, что скрупулёзной точности тот не соблюдал. Да и потом, существовала ещё одна возможность.

– Я думаю, – проговорил Николай, – убийца сперва умертвил жертву, и только потом насадил на кол. Иначе как бы он справился с взрослым мужчиной – если действовал в одиночку? Конечно, надо ещё будет получить заключение судебных медиков: не находился ли убитый в состоянии алкогольного опьянения или под воздействием каких-либо седативных веществ. Но я бы всё-таки поставил на предварительное умерщвление.

– Вы это предполагаете или?..

Смышляев не договорил, но Скрябин понял, что тот имел в виду. Однако на сей раз никаких озарений у старшего лейтенанта госбезопасности не возникало. Слишком много народу шастало вокруг, слишком взвинчен был он сам.

– Это предположение, – сказал Николай. – Но я практически уверен, что так и было. Убийца только тогда... – Он запнулся, не зная, как лучше выразиться, потом сформулировал: – ...перевел *приговоренного* в вертикальное положение, когда тот уже был мертв. Потому-то практически совпало время обнаружения тела и предполагаемое время смерти.

Они все трое помолчали с полминуты, а потом Валентин Сергеевич проговорил – с некоторым облегчением:

– Возможно, вы и правы, Скрябин. – И, как бы собравшись с силами, руководитель «Ярополка» запахнул на груди полушубок, после чего шагнул к калитке. – Идемте! Нам нужно осмотреть место преступления, пока его не замело снегом окончательно.

3

У Скрябина возникла мысль: а не нарочно ли палач-имитатор выбрал для своего действия именно этот выюжистый день? Если во дворе пустующего дома преступник и оставил какие-то следы, то снег спрятал их ещё до приезда сотрудников уголовного розыска.

Однако имелся след, который убийца уж точно прятать не желал: выставил его напоказ. Николай, помня слова Дениса Бондарева, посмотрел в ту сторону, куда было обращено лицо трупа. И – да: на заборе, на волглых от мокрого снега досках, был начертан всё тот же символ. Не то крест, не то ключ. Возле него щелкал кнопкой ФЭДа муровский фотограф, а рядом эксперт-криминалист уже убирал в чемоданчик пробирку с частицами бело-серебристого вещества. Наверняка того же, что и раньше: странного алхимического состава.

Но воочию белый знак Николай видел впервые. И обратил внимание: там, где загадочное вещество соприкасалось с досками забора, от них струился легчайший дымок. Похоже, алка-

хест и в малой концентрации оставался универсальным растворителем. Старший лейтенант госбезопасности задержал взгляд на белом символе – вроде как пристально всматривался в него. А на деле – всеми силами старался отсрочить момент, когда ему нужно будет увидеть вблизи жертву.

Казалось, Валентин Сергеевич понял эту его уловку. Видя, что Скрябин приостановился, он и сам замедлил шаг – повернулся к своему подчиненному, хоть ничего ему и не сказал. И Николай, стряхнув резким взмахом руки подтаявший снег с волос, развернулся на каблуках и пошагал туда – к *каланче*, к *не-пугалу*.

4

На ум старшему лейтенанту госбезопасности вновь пришли исторические факты. Убитый мужчина был возрастом за сорок, плотного телосложения – как и Степан Глебов когда-то. Но, самое главное, на нём был длинный мерлушковый тулуп, на голове – такая же шапка, а на голых его ногах красовались валенки. «Вот так же и Глебова *утеплили* когда-то палачи – чтобы он в мороз не отдал Богу душу слишком быстро», – подумалось Николаю. И он с такой силой стиснул кулаки в карманах овчинного полушубка, что ощутил, как ногти вонзились ему в ладони.

А Валентин Сергеевич – тот просто застыл на месте: запрокинув голову, молча оглядывал насаженное на кол человеческое тело. Под тулупом на убитом не имелось никакой одежды. И отлично просматривался заостренный конец кола, пронзившего мужчину насквозь и вышедшего наружу возле его правой ключицы. Кожа несчастного посинела, из приоткрытого рта торчал кончик языка, а глаза, оставшиеся распахнутыми, словно бы и вправду смотрели на белый символ, непонятно что означавший.

Между тем сгущались сумерки, так что муровцы, захватившие с Петровки небольшой прожектор, теперь его включили. И, будто пародируя макабрический танец, вокруг пронзенного колом человека заплясали изогнутые тени: эксперты продолжали свою невеселую работу. Двое сотрудников МУРа уже притащили откуда-то стремянку и явно собрались снимать мертвеца с чудовищного шампура, но с ними яростно заспорил судмедэксперт.

– Нет, нет! – протестовал он. – Надо откопать кол – везти тело в лабораторию вместе с ним! Там посередине своеобразный стопор, и, если начать снимать тело...

Патологоанатом, доказывая свою правоту, говорил что-то ещё, а Николай машинально посмотрел вниз: туда, где кол вонзался в ещё не смёрзшуюся землю. И решил, что правильно всё понял: орудием убийства этот жуткий предмет не являлся. Снег под ним сиял белизной: его не пачкала кровь, которая непременно проступила бы сквозь маленький сугроб.

А ещё – тёмная отполированная древесина самого кола выглядела абсолютно чистой! Такого, по мнению Скрябина, просто не могло быть. Даже если бы кол воивали в уже мёртвое тело, физиологические жидкости всё равно должны были попасть на древесину. Разве что – деревянный предмет обработали каким-то особым, влагоотталкивающим составом.

Чтобы проверить свою догадку, Скрябин подошёл к ужасающей *каланче* поближе – так что валенки убитого оказались чуть ли не у самого его носа. Но визуально ничего определить было нельзя. И Николай собрался уже обратиться с вопросом к кому-нибудь из муровских экспертов, когда в затылок его словно бы что-то ударило. Ощущение оказалось таким явственным, что старший лейтенант госбезопасности в первый момент решил: кто-то шулки ради запустил в него снежком, слепленным из мокрого снега. И тотчас обернулся, чтобы поймать шутника с поличным.

Однако позади себя старший лейтенант госбезопасности никого не увидел. Только в одном из окон пустующего дома как будто промелькнула тень: сгусток притворного мрака на фоне настоящей темноты.

– Денис! – Николай на полуслове оборвал муровского следователя, который горячо обсуждал что-то с судмедэкспертом. – Кто из ваших осматривал дом?

Бондарев как будто удивился.

– Дом этого самого Озерова? Да никто не осматривал. Он стоит запертый – на всех дверях замки висят. И на подоконниках – слой снега снаружи. Я всё проверил. А вламываться туда просто так мы не можем: нужно запрашивать ордер на обыск. Потому что...

Но Скрябин уже не слушал его. Бегом, оскальзываясь подошвами форменных сапог, он устремился к дому: хоть и одноэтажному, но большому, с мансардой, одна створка в окне которой отставала от другой сантиметров на пять. А возле стены дома отчётливо проступали на снегу четыре прямоугольных углубления: лестницу-стремянку муровцы явно позаимствовали именно отсюда.

И Бондарева даже нельзя было обвинить в небрежности: с того места, где стремянка недавно стояла, перебраться в мансарду не представлялось возможным. Потребовался бы немислимой длины прыжок. Или мощное внешнее воздействие, как при запуске *из пушки в небеса* героини Любви Орловой в фильме «Цирк».

Николай пожалел, что его личный набор отмычек остался на Лубянке: в кабинете, в ящике стола. И собрался уже крикнуть, чтобы муровцы высадили дверь дома – под ответственность ГУГБ. Однако не успел.

Одно из боковых окон дома – то самое, в котором Скрябину давеча померещилась лишняя тень, – даже не распахнулось: разлетелось фонтаном стеклянных брызг. Его вдребезги разбила вылетевшая наружу большая эмалированная кастрюля синего цвета. А дальше случилось то, чему старший лейтенант госбезопасности не мог отыскать впоследствии объяснения, как ни пытался.

Из окна – следом за кастрюлей – даже не выпрыгнул, а как бы вылетел на невидимой лонже человек, облачённый во что-то черное. Лишь это Николай и сумел понять при взгляде на него. Двигался летун с такой скоростью, что силуэт его выглядел смазанным, будто крутящийся пропеллер самолёта. И наземь он опустился метрах в пяти от дома. Там, где снежную гладь не проминали рваные овалы многочисленных мужских следов.

Тут летун слегка замедлился: стал обычным мужчиной в чёрном драповом пальто и цигейковой ушанке. Но и после этого он с изумительной резвостью побежал в сторону забора: туда, где белел крестообразный знак, возле которого никто уже больше не суетился. Скрябин смог увидеть *чёрного* только со спины, однако готов был поклясться: даже затылок этого человека выражал злобное бахвальство.

Николай рванул с места: устремился за беглецом вдогонку. Зато все остальные, кто был во дворе, будто обратились в библейские соляные столпы – или в участников немой сцены из гоголевского «Ревизора». Никто и шага не сделал в сторону удиравшего преступника.

Но даже не это поразило старшего лейтенанта госбезопасности более всего. Бегун, за которым он помчал, оказался хромым: заметно припадал на правую ногу. И при этом сам Николай – бывший центрфорвард футбольной команды МГУ! – не сумел нагнать *хромого*, прежде чем тот пружинисто, будто кенгуру, сиганул через забор. Становилось ясно, каким образом этот субъект попал в высокую мансарду!

Скрябин в прыжке и сам перемахнул через ограду, выскочил на Глебовскую улицу следом за беглецом. Однако тот чудесным образом успел уже отдалиться шагов на тридцать, не меньше. И теперь стремительно перемещался кособокой побежкой в сторону Черкизовского вала.

– Стой! – закричал Николай. – Стрелять буду!..

И действительно выхватил из кобуры, из-под полушубка, свой табельный «ТТ».

Быть может, он и вправду выстрелил бы. Однако свет милицейского прожектора до улицы не доставал. А в той стороне, куда удирал хромым, почему-то не горел ни один фонарь. Даже Николай, хорошо видевший в темноте, не мог позволить себе нажать на курок: не имея воз-

можности толком прицелиться, с риском угодить в случайного прохожего. И, держа пистолет дулом вниз, старший лейтенант госбезопасности со всех ног припустил за хромым беглецом.

Глава 4. Погоня, слезка и провокация

1 декабря 1939 года. Пятница

5 июля 1936 года. Воскресенье

Москва

1

Пока они мчались по неосвещённой Глебовской улице, Николай пытался припомнить, какую ногу он сломал *Фурфур* три с половиной года назад: правую, левую? Но память отказывалась ему помогать. На том месте, где должно было находиться воспоминание об эпизоде с чёрной чашей, возникло что-то вроде помутнения. Так мутнеет порой хрусталик глаза, отказываясь воспроизводить чёткую картинку. И Скрябин всё никак не мог решить: хромой прыгун, что удирал сейчас от него с невероятной скоростью, и давний гость Глеба Ивановича Бокия – одно лицо или нет?

«По крайней мере, *этот* не носит очков», – подумал Николай.

Тут беглец резко мотнулся влево на пересечении Глебовской с какой-то другой улицей. И старший лейтенант госбезопасности, повторив его маневр, обнаружил: за поворотом горели фонари! Не ярко и не все подряд, но всё же их свет своим охристым оттенком слегка разбавлял декабрьские сумерки.

«Мне бы приблизиться к нему хоть чуть-чуть! – мелькнуло в голове у Скрябина. – Тогда я смог бы прицелиться!» И он крепче сжал свой «ТТ», который охлаждал ему ладонь и будто сам напрашивался, чтобы его пустили в ход.

Однако, вопреки логике и здравому смыслу, расстояние между преследователем и беглецом не только не сокращалось, но как будто всё увеличивалось. И Николай ещё прибавил ходу, рискуя поскользнуться подошвами сапог на заледеневшем тротуаре и растянуться во весь рост. Справа от себя он увидел огороженную хоккейную площадку, на которой по серебряному льду с азартными возгласами носились игроки с клюшками. И позавидовал хоккеистам: ему бы сейчас коньки – и он этого хромого ублюдка моментально догнал бы!

Вскинув пистолет, Николай попробовал на бегу прицелиться в хромоногую. Но нет: вдоль ограды стадиона сновали люди, которые с недоумением оборачивались на них двоих. И молодому человеку пришлось опять оружие опустить.

Они миновали хоккейную коробку, и беглец, не сбавляя скорости, повернул вправо. Николай на миг потерял его из виду, а когда совершил поворот и сам, хромой скороход успел уже пробежать метров тридцать, не меньше, по довольно широкой, чуть загибающейся в отдалении улице. Дома здесь стояли сплошь одноэтажные, прямо-таки деревенские на вид, но зато в них горел свет, делавший уличное освещение вполне сносным. У кого-то работал патефон, доносились звуки танго и голос Утесова проникновенно выводил: «Для того, кто любит, трудных нет загадок...» На табличке с номером одного из домов Скрябин прочёл полукруглую надпись: *Альмов переулок*.

Прохожих рядом не было, и Николай поднял «ТТ» уже с непоколебимым намерением выстрелить. Впрочем, для порядка он крикнул ещё раз:

– Стой, стрелять буду!

Но делать предупредительный выстрел в воздух не стал. Не хватало ещё, чтобы жители близлежащих домов, услышав стрельбу, стали выскакивать на улицу! Москвичи – народ любопытный и бесшабашный. Им ничего не стоит сунуться туда, где стреляют, чтобы оказаться как раз на линии огня.

Шустрик в чёрном пальто, припадавший на правую ногу, был уже на мушке у Николая, который приостановился, чтобы уж точно не промазать. И задержал дыхание, перед тем как нажать на спусковой крючок.

Однако тут произошло непредвиденное.

Впереди, по левую руку от них, взъерошилось крестами старинное кладбище. Николай вспомнил его название: *Богородское*. По таким местам в Москве он был спец. За деревьями промелькнула приземистая белая часовня, похожая на древнерусский шлем-шишак. А в сером небе возникли силуэты галдящих воронов, летящих на ночевку. И вот, когда хромой беглец поравнялся с кладбищенской оградой, дымное зимнее небо у него над головой вдруг *вспыхнуло*.

Именно это слово пришло Скрыбину на ум в первый момент. Точнее, ему почудилось: в небесах засияла сама собой некая световая промоина. Лишь потом до него дошло: возникшее сияние было отражённым – исходило отнюдь не из заоблачных высей. Это силуэт беглеца, не замедлившего своей кособокой побегки, начал мерцать зеленоватым светом – как новомодная радиевая статуэтка. И диковинное свечение оказалось настолько ярким, что уличный снег отразил его, будто зеркало, и послал – наподобие солнечного зайчика – вверх. К чёрно-белым, заснеженным кронам деревьев. К беспокойным чёрным птицам, нарезавшим круги в небе. У Скрыбина перед глазами поплыли зелёные пятна, и он едва сдержал крик разочарования: ему снова, в который раз, пришлось опустить свой «ТТ».

Но одним лишь сиянием дело не ограничилось. Драповое пальто на беглеце внезапно вздыбилось, образовав подобие коротких крыльев, как если бы хромоногий шустрик и сам уподобился кладбищенскому ворону: в чёрных, с зелёным отливом, перьях. А в следующий миг зеленоватое свечение *приподняло* его над землёй. И неудержимо повлекло вперёд, в сторону Яузы – как поезд метрополитена увлекает за собой в воздушном потоке мелкий мусор с платформы.

2

Николай Скрыбин осознавал, что отстал от летуна безнадежно, но всё равно продолжал бежать. Жар охватывал его, и дыхание сбивалось. Он скинул бы отяжелевший полушубок, но на это ушли бы драгоценные секунды. Не мог он себе позволить их потерять.

Беглец выбрал для передвижения Богородский – бывший Камер-Коллежский – вал, по которому прежде пролегла граница Москвы. И Николай догадался, куда именно шустрик направляется. Даже сумел слегка порадоваться: палач-имитатор всё-таки не выбрал *то* место для своей акции. А ещё – радовало, что и эта улица оказалась пустынной. Ни один прохожий не вышагивал здесь под снегом. Не приближалось ни одного автомобиля и ни одной подводы.

Впрочем, понять это Скрыбин сумел только потому, что хорошо видел в темноте. Здесь, на Богородском валу, как давеча – на Глебовской улице, не горели фонари. И ни в каком из близлежащих домов Николай не мог разглядеть светящихся оконеч. Сумерки вокруг были густыми, пепельно-серого цвета. Лишь впереди себя старший лейтенант госбезопасности мог разглядеть переливавшийся зеленоватым светом силуэт – всё более отдалявшийся.

«Да какого чёрта?.. – подумал Николай. – Хуже-то всё равно не будет!» Отсутствие электрического света играло ему теперь на руку: по единственному сияющему пятну легче было стрелять именно в темноте.

Он прекратил бежать и опустил на одно колено, чтобы мышечная вибрация не сбивала ему прицел. Светящийся силуэт в дальнем конце улицы удалялся сверхъестественно быстро, и ни мгновения нельзя было медлить. Иначе не осталось бы даже теоретических шансов достать беглеца пистолетным выстрелом. Скрыбин задержал дыхание и нажал на курок.

«ТТ» коротко и отрывисто тьякнул. И вороний грай за спиной Николая – там, где находилось Богородское кладбище – моментально усилился. А декабрьская метель завертела снег спиралью, словно бы в раздражении. Скрыбин ругнулся мысленно: решил, что он всё-таки промазал. И хотел уже выстрелить снова – сделав поправку на силу западного ветра, бывшего ему в лицо. Но тут зеленоватый силуэт впереди покачнулся, замерцал и – погас.

Из-за сумерек на сетчатке глаз у Николая ещё пару секунд отображался световой контур. Но молодой человек уже вскочил на ноги, снова помчал вперёд: понял, что не промахнулся.

3

Место, где беглеца настигла пуля, Николай обнаружил сразу – как только добежал до конца Богородского вала. Во-первых, там было чуть светлее: на мосту через Язу, к которому вал выводил, горели фонари. А, во-вторых, свежевывавший снег в том месте пачкали пятна крови. Их оказалось не очень-то и много – как если бы на землю бросили женский головной платок в крупный красный горошек. Однако просматривались они совершенно отчётливо, хоть и на ограниченном участке: через один шаг исчезали.

– Зажал рану рукой... – пробормотал Николай, чуть задыхаясь от быстрого бега.

При виде кровавых пятен он не остановился – лишь сбавил немного темп. До «платка в горошек» на снегу не видно было никаких следов, кроме тех, что принадлежали самому Скрябину. Зато дальше, в сторону Язу, вела цепочка чётких оттисков мужских ботинок. И, судя по тому, что одна нога мужчины впечатывалась в снег глубже, чем другая, был он хромоногим.

– Попался! – прошептал Николай. – Теперь не уйдет!..

Какое бы колдовство ни помогало беглецу, попадание пули явно свело эту помощь на нет. И, даже если полученная рана оказалась лёгкой, Николай рассчитывал настичь хромого беглеца раньше, чем тот перейдёт мост. Что представлялось старшему лейтенанту госбезопасности критически важным.

«Этот мост совсем не прост!» – мысленно срифмовал Скрябин. И мысленно же издал короткий, лишённый всякой весёлости смешок.

4

Старший лейтенант госбезопасности не знал точно: мост ли дал название улице, или улица – мосту? Глебовский мост был деревянным, однопролётным, а ещё – общеизвестный факт – обозначал ту веху на Язу, до которой река являлась судоходной. Освещаемый электрическими фонарями, мост оказался таким же пустынным, как до этого – Богородский вал. Но всё же Николай снова подумал: повезло, что имитатор не стал устанавливать ужасающую *каланчу* здесь! Устроить такое на мосту – это было бы как создать на Язу новое Лобное место, открытое взорам охочей до зрелищ публики.

Но сейчас по дощатому настилу Глебовского моста лишь одиноко семенил, скособочившись, давешний шустрик. Прежнюю резвость он подрастерял. И прижимал правую ладонь к боку – чуть пониже пояса.

Николай не стал тратить время, чтобы кричать «Стой!» Да и не та складывалась ситуация, чтобы проявлять джентльменство: предупреждать врага о своём присутствии. Старший лейтенант госбезопасности вскинул пистолет, намереваясь нажать на спуск. И он моментально смог бы сделать прицельный выстрел, если бы метил в корпус беглеца. Однако теперь, когда тот находился почти у него в руках, Скрябин решил: надо стрелять по ногам. Не мог он упустить шанс побеседовать с этим шустриком по душам.

Вероятно, это была правильная идея. Точнее – *была бы* правильная. Если бы хромым беглец не отколол свой следующий номер.

Язу ещё в девятнадцатом веке стала для Москвы подобием сточной канавы. И зимой река эта не замерзала. Её мутные воды катились под мостом, не покрываемые даже самой тонкой ледяной коркой. Так что у беглеца не возникло никаких препятствий для реализации его замысла. Резвость внезапно вернулась к нему: он вскочил на парапет моста, будто вздернутый прежней невидимой лонжей.

Движение это оказалось столь молниеносным, что Скрябин не сумел его уловить: спустил курок, когда преследуемый уже сменил дислокацию. Так что пуля угодила не в голень беглеца, как рассчитывал Николай, а в деревянную балясину парапета. А уже в следующий миг человек

(Или не человек?) в чёрном пальто прыгнул в воду: вытянув руки по швам и не сгибая ног, «солдатином».

Скрябин, метнувшись к ограждению моста, успел увидеть: грязная речная вода как будто расступилась перед прыгуном. И он вошёл в неё, даже не взметнув брызг.

Николай выстрелил в воду пять раз подряд – положив пули веером. С таким расчетом, чтобы они покрыли весь сектор, где мог очутиться беглец. Тот, как ни странно, выбрал для прыжка левую от Скрябина часть парашюта – находившуюся ниже по течению реки. Хотя, казалось бы, разумнее было прыгать с противоположной стороны, чтобы вода увлекла беглеца под мост, в «слепую» для стрелка зону. И теперь старший лейтенант госбезопасности, свесившись с перил, напряженно глядел вниз: вынесет или не вынесет Яуза на поверхность тело *хромоногого*? И не приобретет ли её мутный поток красноватый оттенок?

Однако ни того, ни другого не происходило. Либо беглец утонул, камнем уйдя на дно, либо...

Николай сорвался с места и ринулся к противоположной стороне моста – обращённой к истоку Яузы. И уже воображал себе картину: беглец в своём чёрном драповом пальто – и в цигейковой ушанке на голове! – плывет саженками против течения. Удирает по направлению к Лосиному острову и Сокольническому парку. Скрябин так ясно представил себе это, что секунды две или три действительно *видел* плывущего по реке субъекта – силуэт которого вновь приобрёл зеленоватое свечение.

Старший лейтенант госбезопасности вскинул руку с пистолетом, готовясь использовать оставшиеся в обойме заряды. Но – морок внезапно развеялся: свечение воды оказалось всего лишь зеркальным отражением электрических огней на берегу. Отраженный свет сбивал его с толку уже вторично за вечер! Стиснув зубы, Николай опустил свой «ТТ». А потом свободной рукой изо всех сил потер лоб, как если бы хотел изгнать из головы все несуразные образы.

Однако мысль о Сокольниках уже посетила Скрябина и не прошла даром. И ведь не планировал же он вспоминать *тот* день – совсем не ко времени это было сейчас! Но вот, поди ж ты: он вдруг словно бы очутился перед экраном огромного кинотеатра, в котором крутили удивительный цветной фильм – вроде американской кинокартины «Унесённые ветром», которую Николай не так давно посмотрел на правительственной даче своего отца. Тот позвал их в гости вдвоем с Ларой – явно хотел познакомиться с невестой сына.

Только в кинотеатре, что возник теперь в мозгу Николая Скрябина, действие разворачивалось не на американском Юге, в поместье Тара. Хотя в своем собственном цветном фильме он и вправду перенесся из студеного декабрьского вечера на Глебовском мосту в гораздо более теплое время и приятное место. И было это первое воскресенье июля 1936 года в столичном Сокольническом парке.

5

В выходной день по центральным аллеям Сокольников прогуливались толпы народу. И мало кто обращал внимание на Николая Скрябина и его друга Мишу Кедрова, облаченных в новенькую, отглаженную и блестящую латунью пуговиц, форму Главного управления госбезопасности НКВД СССР. У Коли на рукавах гимнастерки цвета хаки красовалось по три красных усеченных треугольника; у Михаила таких треугольников на каждом рукаве имелось по две штуки.

Впрочем, различия в их статусе этим и исчерпывались. Оба молодых человека перешли на третий курс юридического факультета МГУ. Оба только что окончили курсы ГУГБ и получили специальные звания по линии госбезопасности. Обоим было по девятнадцать лет. И оба просто не смогли удержаться: захотели покрасоваться в форме во время воскресной прогулки. Тем более что уже завтра начиналась их летняя практика на Лубянке, и нужно было слегка привыкнуть к одежде, которую им предстояло носить при её прохождении. В проекте «Ярополк» они пока официально не состояли, и запрет появляться в форме за пределами здания Нарко-

мата на них не распространялся. Хотя – их вступление в «Ярополк» являлось, несомненно, всего лишь вопросом времени. Ведь ещё год назад об *особых дарованиях* Николая Скрябина узнал человек, под чьим негласным покровительством проект находился. И с чьей легкой руки Скрябин и Кедров попали в кадровый резерв Главного управления госбезопасности НКВД СССР.

А сейчас, вволю нагулявшись, накатавшись на «вертикальном колесе» и аттракционе «аэропетля», друзья с мороженым в руках расположились на скамейке в одной из дальних аллей. У них имелись темы для разговоров, не предназначенных для посторонних ушей.

Николай, тогда ещё не связанный никакими обещаниями, уже рассказал Мише о своих вчерашних приключениях – на даче у Бокия. Его друг пришел в ужас от услышанного, но сам Коля к тому времени успел успокоиться. Он не сомневался: в дачной коммуне его не опознали. Будь иначе, за ним пришли бы уже сегодня утром. А, может, и до утра ждать не стали бы. Юноше повезло: единственный человек, видевший его вблизи, был слеп как крот, да ещё и пьян в зюю. Однако друзьям следовало обсудить, как вести себя с Глебом Ивановичем завтра, когда они встретятся с ним на Лубянке. Вопрос был не из приятных, и Скрябин, не особенно желая приступить к нему, проговорил:

– И всё-таки это как-то неправильно! Мне – звание младшего лейтенанта госбезопасности, а тебе и всем остальным – сержантов. Учились-то мы на курсах ГУГБ все вместе, а никаких особых заслуг я за собой не знаю.

– Брось, Коля! – Из-за такой ерунды Михаил явно не собирался переживать. – Сержант, младший лейтенант – велика разница! Да и потом, тебя с –твоими-то способностями – можно было сразу в заместители наркома Ягоды выдвигать!

Но Коля шутку друга не поддержал.

– Не завидую я его заместителям! – покачал он головой. – Думаю, Генриху Ягоде скоро придется ох, как солоно! Не зря Хозяин сейчас осыпает его милостями. Добром для наркома это не кончится.

Когда Коля произнёс эти слова, ему показалось: позади них, за парковыми липами, произошло какое-то шевеление. То ли пробежал в траве ёжик, то ли с дерева упала отломившаяся сухая ветка. Скрябин обернулся на этот звук – и никого не увидел. Здесь, вдали от ресторана, тира и аттракционов, гуляющие не прохаживались. Миша тоже посмотрел в ту сторону. Но и ему, похоже, никого разглядеть не удалось. И он продолжил разговор:

– Ну, а проект «Ярополк»? Его-то не прикроют, как считаешь?

Скрябин хмыкнул.

– Даже если с Ягодой случится *неприятность*... Да что там: даже если она приключится с Бокием – нынешним руководителем «Ярополка», – самого проекта это не коснется. Помани моё слово.

Он хотел также прибавить, что «Ярополк» – неприкосновенное детище самого товарища Сталина. И не будет ликвидирован ни при каких обстоятельствах. Но тут послышалась хлопанье крыльев: с близлежащих деревьев одновременно взлетело несколько птиц. И на сей раз Коля даже оборачиваться не стал.

– Пойдём-ка отсюда! – Он встал со скамейки, и Миша последовал его примеру.

Быстро, на ходу доедая мороженое, друзья зашагали по аллее прочь. Вполголоса, почти шепотом, они договорились между собой: завтра на Лубянке при встрече с Бокием они станут вести себя, изображая неосведомленных простецов. Но подобострастия выказывать не будут, иначе комиссар госбезопасности третьего ранга непременно заподозрит, что они ломают комедию.

А когда впереди замаячили аттракционы, и навстречу им стали попадаться беззаботные граждане, проводившие воскресный день в парке, Миша по-настоящему своего друга удивил.

– Слушай, Колька, – проговорил он, хватая его за локоть и поднося губы к самому его уху, – мне вот что показалось странным – когда ты рассказал про встречу с отцом. Я хоть и не твой отец, но и мне ясно: говорить тебе, чтобы ты не ездил на ту дачу – это было всё равно как специально подтолкнуть тебя туда поехать. Неужто ты смог бы удержаться после такого предупреждения?

Николай даже вздрогнул при этих словах своего друга. Невероятно: столь очевидная мысль ему самому в голову не пришла! Впрочем, он и после Мишкиных слов не мог поверить в такое. Да, его папа не являлся идеальным отцом. Но уж последнее, чего он хотел – это чтобы его сын вляпался в какую-нибудь историю. Неужели же он стал бы сознательно провоцировать его на ту вылазку?

Николай встряхнул головой: нет, быть такого не могло! Однако вслух он Мише ничего не сказал – вместо этого оглянулся через плечо, посмотрел назад. По липовой аллее, которую они покидали, шёл какой-то гражданин, не по сезону одетый в темную пиджачную пару. Но находился он слишком далеко, так что разглядеть его лица Коля не сумел.

б

Друзья распрощались в вестибюле станции метро «Сокольники», куда Миша зашёл вместе с Николаем и дождался, пока тот купит картонный билет и спустится к платформе. Только после этого ушёл. Кедров жил неподалёку, на одной из Сокольнических улиц, а Скрябину, чтобы попасть к себе домой, на Моховую, нужно было доехать до «Библиотеки имени Ленина».

Всю дорогу от парка до станции метро друзья крутили головами, высматривая позади себя неведомого соглядатая. Но никого подозрительного больше не увидели. То ли шпик стал маскироваться лучше, то ли никакого шпика не было вовсе, и со студентами МГУ сыграли злую шутку взвинченные нервы.

И вот теперь Коля ходил взад-вперед по черно-серым шахматным клеткам гранитного станционного пола, словно переставляя фигуры на доске. Станция была конечная, и на платформе других пассажиров не оказалось: никто, похоже, не планировал в самом начале воскресного вечера уезжать из Сокольников. А все, кто прибыл на станцию раньше, явно уже успели разойтись. И это Николаю было вдвойне на руку: единственный вход на станцию из города сейчас отлично просматривался. Так что юноша, совершая перемещения по шахматному полу, периодически бросал взгляды в сторону вестибюля: удостовериться, что давешний соглядатай за ним не последовал.

В той партии, которую Скрябин разыгрывал не на доске, а въяве, лишь с некоторыми фигурами всё было более или менее ясно. Значительная же часть из них оставалась от Николая скрытой. И возникал вопрос: а можно ли решить шахматную задачу, не зная, что находится на половине доски? Здравый смысл утверждал: конечно, нельзя. Но Коля всё равно считал, что можно. Да, впрочем, выбора-то у него не имелось. Он вступил в игру, выйти из которой до её окончания означало бы: проиграть собственную жизнь.

Черный Король – с ним сомнений не возникало: это был товарищ Сталин. И при нём состояли те, кто ему служил: пешки и фигуры, среди которых находился и отец Николая Скрябина. Он, пожалуй, мог бы считаться Черной Ладьей – фигурой сильной, но неповоротливой. Чересчур прямолинейной в своих действиях. Поэтому-то Коля и отказывался верить, что его отец додумался бы организовать такую опасную провокацию: подтолкнуть его к поездке на дачу Бокия.

А вот кто был Белым Королем – этого Коля пока понять не мог. Явно не он сам; да и то сказать, быть королем на шахматной доске – значит, не обладать правом на риск. Никогда не играть в атаке. Но уж и пешкой Скрябин себя, конечно же, не считал. Если выбирать среди шахматных фигур, он готов был ассоциировать себя с Конем – точнее, со всадником, *рыцарем*. Мысленно он всегда называл эту фигуру словом *Knight*, как принято в английском языке.

Чуть усмехнувшись, Коля прошел вперед с черной клетки на серую, потом – опять на черную, потом – сделал шаг вправо. И кивнул себе: да, всё правильно. Именно эта фигура, способная совершать самые хитроумные и непредсказуемые ходы, была *его*. А совсем скоро ему предстояло столкнуться со своим оппонентом, Черным Рыцарем – Глебом Ивановичем Бокием.

И ровно в тот момент, как Николай об этом подумал, к нему из-за колонны шагнул человек: мужчина лет сорока с хвостиком, облаченный в тёмно-серую пиджачную пару.

– Добрый день! – Он чуть опустил голову – то ли отдавая поклон, то ли пряча глаза.
– Моя фамилия Смышляев, зовут Валентином Сергеевичем. Я – художественный руководитель и режиссер Московского драматического театра. И мне нужно непременно переговорить с вами.

Глава 5. Тень за спиной

5 июля 1936 года. Воскресенье

29 ноября 1934 года. Четверг

Москва

1

Николай Скрябин считал, что после вчерашнего посещения «дачной коммуны» его не просто будет хоть чем-то удивить. Однако выяснилось: в этом он ошибался. Каким образом субъект в пиджачной паре очутился на платформе, Коля не мог понять, хоть убей. Ведь никто не спускался по лестнице, что вела вниз из вестибюля – в этом он мог поклясться! А уж как удивился бы он, если бы ему сказали, что всего через полтора года этот самый человек сменит на посту руководителя «Ярополка» страшного Чёрного Рыцаря – Глеба Бокия!..

– Как интересно... – протянул Коля, оглядывая непонятного субъекта. – По странному совпадению, я бывал в Московском драматическом театре. К примеру, в прошлом году смотрел «Скупого» – пьесу Жана-Батиста Мольера. Кстати, не напомните мне, с чего там начинается заключительный, пятый акт?

– Гарпагон разговаривает с комиссаром полиции о шкатулке с деньгами, которая была у него, Гарпагона, похищена, – ни секунды не колеблясь, ответил собеседник Николая. – Потом появляется Жак, который служит у Гарпагона поваром и кучером, и они...

– Ладно, достаточно! – Скрябин взмахнул рукой, останавливая своего нового знакомого, и пристально всмотрелся в его лицо.

Перед Николаем стоял человек лет сорока пяти, среднего роста, русоволосый, с высокими залысинами, и с удивительным лицом: одновременно и одухотворенным, и отрешенным.

– М-да... – протянул юноша и запустил пальцы правой руки в волосы на затылке. – Недаром ваша фамилия показалась мне знакомой... Должно быть, я видел её год назад на афише «Скупого». Но с какой же стати, позвольте спросить, вам вздумалось за мной... – Он хотел уже сказать «шпионить», но потом всё-таки выбрал другое слово: – ...наблюдать?

– Видите ли... – На лице мужчины промелькнула колеблющаяся, неуверенная улыбка. – Я кое-что знаю о вас – в смысле, о том, что вас решили рекрутировать для службы *Ярополку*.

А Коля ещё думал, что новый знакомец больше уже ничем его не удивит!..

– Вы ясновидящий, надо полагать? – спросил он, надеясь, что ирония скроет его растерянность.

– Точно. – Та же колеблющаяся улыбка вновь возникла на губах Смышляева. – Потому что и меня решили задействовать в этом проекте.

Скрябин едва удержался от того, чтобы с размаху хлопнуть себя по лбу. Как же он мог так опростоволоситься! Конечно, фамилия *Смышляев* была ему знакома. Вот только впервые он увидел её не на театральной афише, а в *библиотеке*: хранилище документов проекта «Ярополк». ещё прошлым летом, когда кое-до кого дошли слухи об одаренности Николая по части пси-фактора, их с Кедровым вызвали для прохождения летней практики именно на Лубянку. Где, правда, никакой оперативной работы им не доверили: отправили разбирать «библиотечный архив» – взяв с обоих друзей подписку о неразглашении.

И теперь Николай понял: стоявший перед ним человек – актер, режиссер и автор книги по актерскому мастерству – был тем самым ясновидящим, который предсказал причину и год смерти Юзефа Пилсудского.² А в прошлом году его предсказание сбылось полностью. 12 мая

---

² И это – документально зафиксированный факт подлинной биографии Валентина Сергеевича Смышляева: актера, режиссера и теоретика театра.

1935 года военный министр Польши и её бывший премьер скончался от неизлечимой болезни печени.

– Так вот оно что... – Николай бросил на Валентина Сергеевича Смышляева быстрый взгляд, намереваясь прочесть по его лицу, насколько он доволен произведенным на собеседника эффектом; но на этом лице видна была лишь прежняя легкая отрешенность. – Должен сказать: знакомство с вами – большая честь для меня. Но неужели вы не могли найти другого способа со мной познакомиться, если уж видели в этом какие-то основания для себя?

– Не для себя лично. – Валентин Сергеевич покачал головой. – Но – да: у меня имелись свои резоны. – Словечко «резоны» он явно любил; что, вероятно, и стало впоследствии причиной выбора им псевдонима в проекте «Ярополк». – Полагаю, вы на данный момент – единственный, к кому я могу обратиться со своей просьбой. Вы должны помочь одному человеку – не просто человеку: гению, быть может. Он находится в страшной опасности и догадывается об этом. Но ничего сделать для своего спасения не в состоянии.

– Если вы хотели меня заинтриговать, – сказал Николай, – то вам это удалось. Может быть, вы назовете мне имя этого человека?

– Его зовут Михаилом Афанасьевичем Булгаковым. – Валентин Сергеевич выговорил это имя слишком быстро, без паузы: то ли от волнения, то ли боясь, что передумает его произносить.

– Опасность грозит Михаилу Афанасьевичу Булгакову? – переспросил Скрябин, приходя к выводу, что до этого дня его способность удивляться и наполовину не была исчерпана.

– Да, ему. – Смышляев кивнул. – Вы ведь знаете, кто это?

Разумеется, Николай знал.

2

До семнадцати с половиной лет – до самого поступления в МГУ, – Николай Скрябин жил в Ленинграде, у своей бабушки Вероники Александровны: тетки его матери. У неё на квартире (а теперь уже – в московской квартире самого Николая, который получил в наследство всё бабушкино имущество) хранились два потрепанных экземпляра альманаха «Недра» за 1924 и 1925 годы. И в них были опубликованы повести малоизвестного тогда литератора Михаила Булгакова: «Дьяволиада» и «Роковые яйца». Коля перечитывал их раз по десять и неизменно хохотал до слез. Однажды мальчика застала за чтением Вероника Александровна и произнесла – явно имея в виду автора сатирических повестей: «Он знает». Что она хотела этим сказать, её внук, как ни старался, не смог от неё добиться.

И с первых дней своего переезда в Москву Николай мечтал посмотреть «Дни Турбиных» – единственную пьесу Булгакова, которая шла в 1934 году. Да и её МХАТ возобновил в 1932-м после трехлетнего перерыва. Причём вернуть её в репертуар Художественного театра повелел (вся Москва это знала!) не кто иной, как Главный Зритель страны.

День 29 ноября 1934 года, когда Скрябин впервые увидел «Турбиных», запомнился ему навсегда. Место у него было отличное: в третьем ряду партера (отец достал ему билет). И весь первый акт он, как замороженный, следил за перипетиями на сцене. А в самом начале второго акта зал громыхнул вдруг такими аплодисментами, что Николай едва не оглох. В тот момент на сцене – представлявшей собой кабинет прохвоста-гетмана – происходил диалог Шервинского (бесподобного Марка Прудкина), с лакеем, объяснявшим гетманскому адъютанту, почему его, лакея, оставили дежурить у телефонных аппаратов. Однако аплодисменты предназначались вовсе не актерам: смотрели все не на сцену, а в противоположную сторону.

Поняв, куда именно устремлены все взоры, Коля вывернул шею и оглянулся на специально оборудованную ложу, которая во время первого акта пустовала. В ней, снисходительно улыбаясь восторгу зрителей, восседал теперь товарищ Сталин (которого Скрябин впервые уви-

дел тогда воочию, живьем), а рядом с ним расположились товарищи Киров и Жданов. Так что спектакль для зрителей вышел двойным.³

А для самого Николая – так и вовсе тройным: за плечами у Сергея Мироновича Кирова он вдруг увидел *кого-то*. Юноша настолько был уверен, что в глубине ложи находится отдельное, самостоятельное существо, что ему поначалу и в голову не пришло определить его как *что-то*. Коля счел, что за спинами особых зрителей притулился охранник, старающийся остаться незамеченным. И лишь тогда, когда занавес упал, и все (включая *тех троих*) поднялись аплодировать, Скрябин осознал свою ошибку: никакой это был не охранник. За спиной Кирова находился его плоский и серый двойник – проще говоря, самая заурядная тень.

Недоумевая, как он мог так ошибиться, Скрябин отвернулся от сцены и стал смотреть в правительственную ложу. Так поступил не он один: многие, если не все, крутили головами и чуть ли не выпрыгивали из кресел, чтобы увидеть тех, кто в той ложе находился. И вопрос ещё был: кому публика устроила овацию, когда закончился спектакль? Артистам или особым гостям? Или, точнее – одному, наиглавнейшему, гостю.

Впрочем, сами гости тоже хлопали, не жалея ладоней и встав со своих кресел. И, чем дольше Николай смотрел на это, тем яснее понимал, что с тенью Сергея Мироновича дело нечисто. «Тень» аплодировала не синхронно с Кировым, постоянно сбивалась с ритма хлопков. Да и вообще, вела себя как-то бестолково. То вытягивалась в длину, покидая пределы ложи и пробираясь в зрительный зал. То, напротив, укорачиваясь, становясь тенью гнома. А то и вовсе – поднималась чуть ли не к самому потолку театра, забыв про все законы оптики.

Наконец, у Коли заслезились глаза от пристального разглядывания. Он отвернулся, а когда вновь посмотрел на правительственную ложу, она уже опустела. И Скрябин, наконец, осознал, какую такую *тень* он узрел. Об астральных двойниках он слышал ещё от своей бабушки – которую, между прочим, некоторые тоже считали ясновидящей. Сам же Коля видел прежде такого «двойника» всего единожды, в раннем детстве: очень похожая по цвету серая тень клубилась вокруг тела его няни, когда та умирала на его глазах.

«Да ведь это был *ангел смерти* – за спиной у Кирова!» – ошарашенно подумал он тогда, в Художественном театре.

Однако уверенности в том, что он не обсмотрелся, после спектакля у Коли не было. Лишь восемь месяцев спустя, во время памятной летней практики в архиве проекта «Ярополк», Николай Скрябин узнал доподлинно, что такие «ангелы смерти» не только существуют, но и могут быть запечатлены на фото- и киноплёнке. А тогда, в ноябре 1934-го, Николай был слишком поглощен мыслями о пьесе Булгакова. Без конца прокручивал в голове сцены из спектакля. И, если какая-то *тень* и приходила на ум студенту МГУ, то лишь из Елениной реплики: «Я боюсь бросить тень на фамилию Тальберг». Вспоминая эпизод пьесы, где Елена говорит эти слова Шервинскому, Коля даже посмеивался тихонько.

И ещё по дороге домой он перестал размышлять о появлении в театре товарища Сталина и двух других сановников. Тем более что не было ничего удивительного в том, что они туда пришли. Отец говорил юноше: Хозяин почему-то любит «Турбиных» больше всех прочих мхатовских спектаклей.

Но потом, когда всего через день после посещения Художественного театра Киров был убит, а его место во главе Ленинградского обкома партии занял Жданов, в голове у Коли стали возникать мыслишки самые нехорошие.

По всему выходило, что Сталин привел на булгаковскую пьесу Кирова вместе со Ждановым не просто так. Была в этом хитроумная драматургическая задумка, не иначе. Вечером двадцать девятого ноября Вождь поставил и разыграл драму собственного сочинения, декора-

---

³ То, что Сталин посетил МХАТ 29 ноября 1934 года и смотрел «Дни Турбиных» вместе с Кировым и Ждановым – исторический факт.

цией к которой послужил мхатовский спектакль. Знал ли Сталин, что Киров вскоре умрет? Коля не сомневался, что знал. Хотя, возможно, точная дата ухода Сергея Мироновича из жизни была неизвестна даже этому великому режиссеру – в своем роде куда более выдающемуся, чем, скажем, Станиславский или Мейерхольд.

Предвосхищая грядущий расклад, Иосиф Виссарионович пригласил в правительственную ложу Художественного театра двух людей – и передал им некое послание. Передал словами Булгакова.

Послание это, по мнению Коли Скрябина, состояло из двух последних реплик пьесы.

«...Сегодняшний вечер, – говорил наивный Николка Турбин, воодушевленный приходом большевиков в Киев, – великий пролог к новой исторической пьесе». Капитан же Студзинский, настроенный куда более скептически, отвечал ему: «Для кого – пролог, а для меня – эпилог».

Всё яснее ясного. Для Жданова посещение МХАТа в компании с Вождем стало прологом будущего возвышения, а для Кирова – эпилогом блестящей партийной карьеры. Что же касается *новой исторической пьесы*, то и она не заставила себя долго ждать. Для пьесы террора, которую готовился с размахом разыграть поклонник «Дней Турбиных», лучшего пролога, чем убийство Сергея Кирова, и придумать было нельзя.

3

Это воспоминание в один миг промелькнуло в голове Скрябина, когда он стоял на платформе «Сокольников» – возле облицованной мрамором колонны, за которую они со Смышляевым зашли.

– Что, – спросил Николай, – против Михаила Афанасьевича опять развернули *кампанию*?

– Нет... То есть, да: кампанию-то против него никогда и не сворачивали. Но не в этом дело. – Лицо Смышляева наконец-то утратило свое отрешенное выражение: видно было, что теперь он говорит о вещах, слишком сильно его беспокоящих. – Не это на данный момент самое худшее.

– Возможность ареста? – Скрябин ощутил, как у него заledenели губы, когда он выговорил свой вопрос.

Однако Валентин Сергеевич воспринял такое предположение на удивление спокойно.

– Не думаю. – Он покачал головой. – И, когда вы займетесь этим делом... *если* займетесь, – тут же поправился он, – то сами поймете: над ним иная угроза нависла.

И он стал рассказывать. Слушая его, Николай то принимался ерошить волосы на затылке, то качал недоверчиво головой, то, не удержавшись, задавал какой-нибудь уточняющий вопрос.

– Дело в том, – говорил Валентин Сергеевич, морщась и с явной осторожностью подбирая слова – будто переходя речку по тонкому льду, – что с некоторых пор Михаил Афанасьевич начал кое-кого замечать поблизости от себя... Его преследует некто – не вполне человек. Вернее, это Миша считает, что – не человек. Я-то, признаться, поначалу решил, что он принял за inferнальную сущность заурядного *топтуна*. Вот только – этого преследователя никто, кроме Михаила Афанасьевича, так ни разу и не видел. Да и сам Миша думает порой, что у него просто мутится рассудок. Однако у меня на сей счёт иное мнение. Создание, прицепившееся к нему, вполне реально. И по какой-то причине *оно* решило Мишу уничтожить. Тут вот ведь что происходит...

Пока он вёл свой рассказ, на станцию прибыли два поезда со стороны центра, и один покинул «Сокольники». Появившиеся-таки пассажиры проходили мимо колонны, за которой стояли Скрябин и Смышляев, но в их сторону даже голов не поворачивали. И лишь обычные для метро сквозняки обдували лица Коли и его нового знакомого.

– Ну, так что вы скажете? – спросил Смышляев, закончив излагать факты. – Беретесь вы за это дело?..

Коля только ухмыльнулся. Несмотря на ужас и трагизм истории, рассказанной Валентином Сергеевичем, невзирая на серьезность принимаемого решения, он, Николай Скрябин,

девятнадцати с половиной лет от роду, чувствовал себя как маленький мальчик, которого спрашивают: хочет ли он открыть огромную коробку с неизвестным содержимым, которую кто-то оставил в его комнате? Смышляев, проницательность которого сделалась потом легендой в проекте «Ярополк», не ошибся в выборе того, к кому обратиться со своей просьбой.

– Да, я берусь, – сказал Николай.

4

Они собирались уже распрощаться. Валентин Сергеевич не планировал уезжать из Сокольников на метро: он припарковал неподалёку от станции свой личный автомобиль. Однако отпустить нового знакомого просто так Скрыбин не мог. Слишком уж хотелось ему узнать ответ на один вопрос.

– Раскройте секрет! – попросил Николай. – Как вам удалось так спуститься на платформу, что я этого не заметил? Вы, быть может, владеете ещё и даром отведения?

Смышляев криво усмехнулся:

– Да если бы! Нет, всё гораздо проще: я знаю дежурного на этой станции. Он заядлый театрал, и я не раз выписывал ему контрамарки. Вот он сегодня и оказал мне ответную любезность: вывел меня на платформу по служебному коридору. Причём даже не спросил о причине моей просьбы. Решил, должно быть, что я просто не хочу платить за проезд. То-то он удивится, когда увидит, что я выхожу обратно!..

– Так это вы из-за своего знакомого решили подкараулить меня именно здесь? То есть, я хочу сказать: именно здесь выйти со мной на контакт? Ведь нашлись бы наверняка места... – Коля на мгновение запнулся, подыскивая подходящее слово, потом закончил: – ...менее публичные.

– О! – Валентин Сергеевич рассмеялся; впервые за время их встречи он показался Коле довольным. – Публичность в данном случае никакой роли не играет! Да и кто тут обратит на нас внимание? Увидеть нас сейчас можно только со стороны торца зала, а оттуда мало кто идет. Для меня же принципиально важно было переговорить с вами здесь, на «Сокольниках». Вы когда-нибудь смотрели наверх, когда проходили через вестибюль станции?

Коля такому вопросу не удивился. В Сокольники, в гости к другу, он всегда добирался на метро. И каждый раз, входя на станцию или выходя в город, почти непроизвольно запрокидывал голову. Рассматривал удивительную мозаику из красного стекла и металла, имевшуюся на потолке. Должно быть, её создатели предполагали, что она должна напоминать о наверхших кремлевских башен. Однако на деле рубиновая звезда на потолке вестибюля походила совсем на другое: на расчерченную стальными ребрами пурпурную пентаграмму.

И теперь, после слов Валентина Сергеевича, юноша поневоле задался вопросом: а, может, эта красная звезда изначально и замышлялась как пентаграмма – символ, применяемый для вызова и удержания демонических сущностей?

– Понимаю, что вы имеете в виду. – Коля машинально бросил взгляд в направлении вестибюля, хотя с этого места разглядеть потолочную мозаику уж никак не мог. – Но, выходит, вы считаете: та... – Он снова задумался над формулировкой, а потом решил выразиться нейтрально: – ...та *сила*, которая ополчилась на Михаила Афанасьевича, может перемещаться, где ей вздумается?

Смышляев покачал головой, посерьёзней.

– Боюсь, относительно истинных возможностей этой силы я ничего не могу сказать вам наверняка. Ровным счётом – ничего. Поэтому-то мне и необходима ваша помощь. Сам я с этим делом не справлюсь. У меня сейчас, видите ли, возникли другие проблемы. – Валентин Сергеевич опять усмехнулся, только теперь – очень уже невесело. – Но и для подобных сил существуют универсальные законы. Игнорировать наличие пентаграммы они точно не могут. Закон самосохранения и для них действует: попасться в ловушку они не желают. Так что, пожалуй, под знаком *красной пентаграммы* находиться сейчас безопаснее всего.

У Николая мелькнуло в голове: а не подобную ли безопасность хотели обеспечить, когда устанавливали звёзды на башнях Московского Кремля? Но задавать этот вопрос он не стал: их с Валентином Сергеевичем беседа и так чересчур затянулась.

– Предложил бы вас подвезти, – проговорил между тем Смышляев, – но, боюсь, появляться в моём обществе стало небезопасно. – И он снова улыбнулся своей неуверенной, словно бы колеблющейся улыбкой.

Дурное предчувствие кольнуло Колю, и он исподтишка бросил взгляд за спину своего нового знакомого. Но нет: на шахматный пол Валентин Сергеевич отбрасывал самую обычную тень цвета асфальта. Она не кривлялась, не норовила взлететь к потолку или скакнуть на рельсы. В общем, жить своей собственной жизнью никоим образом не пыталась.

А Смышляев, взмахнув на прощание рукой, уже пошёл было к лестнице, что вела наверх. Но потом вдруг остановился, обернулся.

– Да, и вот ещё что! – Лоб его прорезала глубокая горизонтальная складка. – У меня к вам будет большая просьба: пожалуйста, никому не рассказывайте о нашей сегодняшней беседе!

Скрябин даже слегка обиделся.

– Это само собой разумеется! Вы могли бы и не говорить мне об этом.

Но Валентин Сергеевич таким ответом не удовлетворился.

– Я имею в виду, – он поглядел Николаю в глаза: цепко, требовательно, – никому вообще! Думаю, в ходе вашего... хм... расследования вам придется встретиться и с самим Михаилом Афанасьевичем. Так вот, вы и ему не должны сообщать, что это я попросил вас заняться его делом!

– Хорошо. – Скрябин медленно кивнул, тоже не сводя глаз со своего собеседника. – Но какова причина вашей просьбы, если не секрет?

– С вами секретничать мне уже бессмысленно! А вот Миша сообщил мне всё, о чем я вам сейчас поведал, как раз по большому секрету. И он в жизни не подаст мне руки, если решит, что я обманул его доверие. Но промолчать – не рассказать – я просто не мог.

С тем они и расстались. Валентин Сергеевич, по всей видимости, укатил домой на собственном авто. А самого Николая поезд пять минут спустя повёз по направлению к станции «Красносельская» – к центру города, к дому.

Глава 6. Как создать человека-амфибию

1 декабря 1939 года. Вечер пятницы

Москва

1

В декабре 1939 года Николай Скрябин ехал к центру Москвы не на метро, а на чёрной «эмке» НКВД. И по дороге мог порадоваться лишь одному: что на нём в тот вечер оказалась форма старшего лейтенанта госбезопасности. Сегодня, пока он палил из пистолета на мосту, какие-то бдительные граждане успели вызвать милицию. И, если бы не форма ГУГБ под полушубком и не служебное удостоверение (его Николай, впрочем, так и не развернул – только помахал в воздухе «корочками»), двое подоспевших милиционеров наверняка попытались бы упечь в кутузку наглого стрелка. Или – что тоже было не исключено – сами открыли бы огонь на поражение. А так – старшего лейтенанта госбезопасности ещё и доставили на милицейской машине обратно на Глебовскую улицу. Где сотрудники МУРа, по счастью, уже убрали страшную «каланчу». И где Скрябин вынужден был сообщить всем неутешительные новости: подозреваемого он упустил.

И вот теперь, когда они с Валентином Сергеевичем катили обратно на Лубянку, руководитель проекта «Ярополк» бушевал:

– Разгильдяи! Муровцы, называется! Торчали возле дома битый час и не осмотрели его!..

И Николай гадал: а не хочет ли шеф в действительности обозвать разгильдией его самого, только щадит самолюбие своего подчиненного? Преступник-то ушёл из-под носа у него, старшего лейтенанта госбезопасности Скрябина!

Сообщать о том, что именно произошло в Алымовом переулке и на Богородском валу, Николай в присутствии шофёра не желал: ждал момента, когда они со Смышляевым останутся наедине. Но кое-что он мог сказать и прямо сейчас.

– Я считаю, – проговорил Скрябин, – что убийца всё-таки допустил промашку. Он не рассчитывал, что тело обнаружат настолько быстро. Потому и вынужден был укрыться в доме этого самого Озерова. Надо будет, кстати, проверить, кто он такой. Но изначально убийца проникать в дом вовсе не собирался. Все прошлые эпизоды показывают: он любит покидать сцену заранее. Не дожидаясь, так сказать, зрительских аплодисментов.

Валентин Сергеевич моментально успокоился – если, конечно, его предыдущая вспышка вообще не была наигрышем. Бывший актёр и режиссёр любил устраивать порой такие вот небольшие представления – поработать на публику. Словно желал сорвать аплодисменты и сам.

– Вы полагаете, – быстро спросил он, – убийца рассчитывал скрыться с места преступления заранее? Но каким образом? Уходить на своих двоих оказалось бы долго!

– Вопрос даже не в том, как он собирался скрыться. – Николай поморщился, вспоминая, как беглец удирал от него *на своих двоих* – и это уж точно не было долго! – Вопрос: каким образом он доставил жертву на Глебовскую улицу? Похоже ведь, что он убил того несчастного прямо на месте. Время его смерти и время обнаружения тела практический совпали.

«Да ещё, к тому же, – прибавил Николай мысленно, – этот шустрик успел бедолагу раздеть и насадить на кол».

– Возможно, – сказал Смышляев, – вы правильно давеча предположили, что убитый находился под воздействием каких-то веществ, подавляющих волю. Или, может, просто был пьян. Тогда завлечь его к тому дому не составило бы особого труда.

– Но ведь в дом они вместе не заходили! По крайней мере, никаких следов этого обнаружить не удалось.

Валентин Сергеевич хмыкнул:

– Пока не удалось. Эксперты «Ярополка» там ещё не работали.

Муровским экспертам, впрочем, тоже запретили входить в дом гражданина Озерова, где могли остаться *особые* улики. Сейчас все двери дома опечатали, а утром туда должна была нагрянуть группа специалистов во главе с Андреем Назарьевым, старшим лейтенантом госбезопасности. Тот в полной мере восстановил свой дар психометрии: умение считывать с предметов информацию обо всех людях, которые хоть раз брали их в руки. Но Николай не разделял оптимизма своего шефа: слабо верил в то, что группа Назарьева хоть что-то накопает. Насколько он мог заметить, шустрик удирал от него, имея на руках шерстяные рукавицы. И, стало быть, ни одна вещь, которую он в доме трогал, не дала бы никакой информации о нём.

Однако даже не это более всего занимало мысли Скрябина.

– Нам нужно как можно скорее произвести опознание убитого, – проговорил он. – Я не думаю, что жертва попала под раздачу случайно. Если мы будем знать, как был выбран *приговорённый*, то сможем выйти и на палача.

И тут вдруг заговорил водитель «эмки», на которого Скрябин и Смышляев почти не обращали внимания. Тот входил в число технических сотрудников проекта «Ярополк»: дал подписку о неразглашении всего, чему он станет свидетелем, но сам никакими специфическими дарованиями не обладал.

– Если вы имеете в виду того мужика, которого колом проткнули, то я знаю, кто он, – проговорил шофёр, не поворачивая головы. – Я сам отвозил его пару раз на дачу к товарищу Бокию... то есть, к гражданину Бокию... – Водитель смешался было, но Валентин Сергеевич кивнул ему, подбадривая; и тот, увидев это в зеркале, закончил: – Года три уж с тех пор прошло. Он тогда тоже состоял в «Ярополке» – мужик убитый, я имею в виду. Но там, на месте преступления, я сразу и не сообразил, что это он. Раньше-то он очки носил... Да и вообще – физиономия у него стала какая-то не такая.

2

Николай Скрябин снова сидел в смышляевском кабинете, откуда секретарь только что вынес их с Валентином Сергеевичем овчинные полушубки. А взамен оставил на столе картонную папку с личным делом бывшего сотрудника «Ярополка». Водитель сумел вспомнить его фамилию, хоть была она нерядовая, явно польского происхождения: Топинский.

Да и сам Скрябин тут же припомнил это лицо – что было на фотографии в личном деле. Там, на Глебовской улице, он не опознал убитого не только из-за сумерек и отсутствия очков. Антон Петрович Топинский, 1891 года рождения, очень уж сильно переменялся с момента своей единственной с Николаем встречи. Если, конечно, та встреча была единственной. Скрябина не оставляло ощущение, что мнимого Фурфура он видел и до того, как судьба свела их на даче Бокия. Но, так или иначе, а внешность его мимолетного знакомца сильно изменилась с тех пор. И перемены эти никак нельзя было назвать обыденными. Не зря водитель «эмки» заикнулся про *не такую физиономию*.

На маленьком фотоснимке, приклеенном к листку по учёту кадров, Антон Топинский выглядел как обычный немолодой мужчина: сорока с лишним лет, со слегка отвисшими щеками, в очках с толстыми линзами. А когда Скрябин разглядывал сегодня посаженного на кол бедолагу, лицо его показалось старшему лейтенанту госбезопасности не то, чтобы молодым – оно выглядело как лицо человека, который вовсе не имеет возраста. Неестественно гладкое, словно бы вылепленное из белого воска, оно могло принадлежать и тридцатилетнему, и шестидесятилетнему. Впрочем, предстояло ещё выяснить, какова была причина смерти Антона Топинского. Николай допускал, что, скажем, при отравлении определённые токсины могли оказать такое воздействие на кожу убитого: разгладить её, парализовав мышцы.

– Странно, что в личном деле не указано ни звание этого Топинского, ни то, какими... хм... дарованиями он обладал, – заметил Скрябин, пролистывая немногочисленные документы, подшитые в картонную папку.

Среди них оказалась, между прочим, и справка, которая косвенно подтверждала, что жертвой палача-имитатора стал именно давешний Фурфур. То была копия направления в санаторий по лечению травм опорно-двигательного аппарата. И в ней указывалось, что Топинский Антон Петрович нуждается в восстановлении после перелома левых берцовых костей – большой и малой.

Тут, наконец, окончательно упала завеса с памяти Николая. Он увидел, будто воочию, как он бьёт мнимого Фурфуру именно по левой ноге. А вот нынешний беглец хромал на правую ногу – этого Скрябин уж никогда бы не позабыл! И как, спрашивается, следовало расценивать такую вот *зеркальную* хромоту преступника и жертвы?

Мысли эти промелькнули в голове Николая молниеносно. Однако отвлекли его так сильно, что он почти удивился, услышав, как Смышляев отвечает на его слова о нехватке документов в личном деле:

– Ну, звания у Антона Топинского могло не быть вовсе. «Ярополк» в своё время привлекал к сотрудничеству и гражданских лиц. Ваш покорный слуга тоже состоял в их когорте. – Валентин Сергеевич усмехнулся. – А что про *дарования* ничего не говорится – вот это действительно странно... Такая информация должна была быть обязательно. Раз её нет – выходит, кто-то её изъял.

– Надо допросить сотрудников нашей кадровой службы! Впрочем, не думаю, что личное дело подчистил кто-то из них...

– И я не думаю. – Смышляев длинно вздохнул. – Но, как я понимаю, Топинский был в своё время от работы в проекте отстранен?

– А вот и не угадали! – Скрябин позволил себе короткий смешок. – Здесь говорится, – он постучал пальцем по докладной записке, подшитой в папку, – что 15 ноября 1937 года, в понедельник, Топинский Антон Петрович не появился на службе. Если я не ошибаюсь, именно в этот день расстреляли Глеба Бокия. На телефонные звонки Топинский не отвечал, квартиру его обнаружили запертой, а жил он один. И посланный к нему наряд ГУГБ взломал дверь. Возможно, наши коллеги думали: сотрудник взял, да и свел счеты с жизнью. Но внутри оказалось пусто. А все личные вещи Топинского пропали.

Валентин Сергеевич понимающе кивнул:

– Решил не дожидаться, когда его постигнет та же участь, что и Бокия. Пустился в бега.

При взгляде на шефа Николай подумал: а не планировал ли тот и сам в своё время рвануть из Москвы – не дожидаться ареста, которого он, Валентин Смышляев, наверняка опасался? Но вслух сказал другое; мысль, которую он озвучил, была не просто догадкой – чем-то вроде озарения:

– Думаю, Топинский отправился не куда глаза глядят. Он залег на дно в заранее подготовленном месте. И всё это время его укрывал будущий палач. Зачем он его прятал, почему – возможно, мы скоро поймем. Но меня больше другое интересует: почему он решил пустить Антона Петровича на заклатие именно теперь? Два года ждал, а потом надумал посадить его на кол?

3

В то время, когда Смышляев и Скрябин изучали на Лубянке личное дело четвёртой жертвы палача-имитатора, сам он готовился покинуть пределы Москвы. Валентин Сергеевич не зря задавался вопросом: каким способом преступник намеревался скрыться? И тот, скаля зубы в усмешке, думал теперь: ни шеф «Ярополка», ни его подчиненный – этот выскочка Скрябин – и за сто лет не догадались бы об истинном положении дел!

Беглец не просто так совершил свой прыжок с Глебовского моста в грязную воду Яузы. Ниже по течению, в тупике на Колодезной улице, он оставил грузовичок-полторку, на котором он всегда приезжал в Москву и уезжал из неё. Согласно документам, машина принадлежала одному из подмосковных колхозов. И регулярно доставляла в столицу сельхозпродукцию.

У её теперешнего водителя всегда имелись в наличии соответствующие путевые листы. Хотя раздобыть их оказалось ох, как непросто.

Но зато проплыть под водой несколько сотен метров беглецу в его нынешнем состоянии было – раз плюнуть! Зря, что ли, он топил ту бабу – в Коломне, в подвале Маринкиной башни? Не ради же собственного удовольствия? Утопив её, он сделал *неутопляемым* самого себя. Получил что-то вроде невидимых жабр – стал подобием человека-амфибии Ихтиандра из романа писателя Беляева.

Конечно, совершить подобное превращение было той ещё задачкой! Во-первых, требовалось отыскать правильное место для правильного обряда. А, во-вторых, перед воспроизведением казни следовало начертать поблизости тот самый знак – и не каким-нибудь там мелом! Для нанесения изображения надобен был только лишь алхимический эликсир, открытый великим Парацельсом: *алкахест*.

И, когда б ни давний знакомец нынешнего беглеца – тот, кого он посадил сегодня на кол, – за всю жизнь ему не удалось бы добыть образец того вещества. Однако – неблагодарным он не был: даровал Антоше Топинскому лёгкую смерть. Решил, что не обязательно повторять давнишнюю казнь Степана Глебова в точности. За что, вероятно, и поплатился: *отзеркалил* Антошину хромоту. Вот уж верно говорится: ни одно доброе дело не остаётся безнаказанным!..

Впрочем, грех ему было жаловаться. Все его деяния давали результат – да ещё какой!

Уморив голодом ту дуреху в подвале Морозовской детской больницы, он сделался нечувствителен к голоду и жажде. Мог теперь несколько дней кряду обходиться без пищи и воды, не ощущая никакого дискомфорта.

Главное же: повесив на Каляевской улице никчемного пропойцу, который наверняка упился бы до белой горячки и без посторонней помощи сунул голову в петлю, сам он обрёл удивительную способность. Вплоть до нынешнего вечера он и не верил до конца, что она у него появилась – не выпадало возможности её призвать. И вот сегодня возле Богородского кладбища ему по-настоящему повезло. Всё совпало: обнаружился компонент, которого не хватало раньше, чтобы беглец сумел подняться в воздух, как подняли когда-то над эшафотом в плохо накинутой петле того фанатика – эсера Каляева. Бомбиста, который в 1905 году подорвал великого князя Сергея Александровича – прямо на территории московского Кремля. Так что потом на этом самом месте установили большой бронзовый крест – в память об убиенном. А также, в некотором роде, и в память о его убийце.

Памятник этот, впрочем, простоял недолго. Уже в 1918 году его сбросили с постамента при личном участии Ленина. Говорили, что вождь пролетариата самолично накинул на крест веревочную петлю – как если бы хотел пародировать казнь Ивана Каляева! А потом в компании с другими членами Совнаркома обрушил крест на кремлёвскую брусчатку. И какова оказалась дальнейшая судьба памятного знака – созданного по проекту самого Виктора Васнецова – было покрыто мраком.

И вот сегодня, пробегая мимо Богородского кладбища, бывший подчиненный Глеба Бокия увидел за оградой высокий крест с полукруглым навершием. И являлся он не какой-то там копией того, кремлевского – демонтированного большевиками. Откуда-то у беглеца возникла уверенность, что это и был тот самый, подлинный крест: восьмиконечный, с косою нижней перекладиной, с золочеными иконами поверху. И крест этот засиял потусторонним светом, стоило только беглецу на него взглянуть. А потом сияние охватило его самого. Охватило и *подхватило* – повлекло вперёд, к Глебовскому мосту, где силы его должны были бы упятериться.

Так бы оно и случилось – если бы тот выскочка не пальнул в него из пистолета. И не просто пальнул – попал, едва его не погубив.

Но, так или иначе, а теперь он почти закончил главное дело своей жизни. Для его завершения не хватало только последнего, самого важного деяния. Хотя и того, что он уже сделал,

вполне доставало, чтобы обрести способности, о которых расстрелянный два года назад Глеб Бокий мог лишь мечтать. Стать их обладателем он так и не сумел. Зато кое в чем продолжал помогать бывшему адепту своей секты и после собственной смерти. Беглец снова усмехнулся, подумав, до какой степени заблуждались они все: те, кто каждую субботу приезжал в Кучино, чтобы практиковать *приближение к природе*.

Кое к чему они, однако, и в самом деле приблизились.

4

Доплыв под водой до улицы Колодезной, беглец выбрался из реки, отряхнулся, будто пёс, и двинулся к своей полуторке. Рана в боку всё ещё беспокоила его, однако он ощущал: она начинает затягиваться. Повезло, что пуля прошла навылет. Вытащить её сам он вряд ли сумел бы. Так что пришлось бы, хочешь – не хочешь, искать врача. А потом ещё и обеспечивать его молчание. Да, тело бывшего адепта бокиевской секты приобрело невероятные способности к самоисцелению. Но всё же металл в ране мог помешать заживлению плоти. По крайней мере, пока что дело обстояло так. Хромоногий беглец верил всем сердцем: скоро и это изменится. Он будет свободен – неподвластен никаким угрозам. И ничто не сможет ему навредить.

Прижимая руку к правому боку, беглец доковылял, никем не замеченный, до грузовичка. И, забравшись в кабину, отжал как мог, промокшую насквозь одежду. Шапку он потерял, пока плыл под водой, будто новый Ихтиандр. А драповое его пальто, и без того – тяжёлое, после купания в Язуе и вовсе сделалось неподъёмным. Да ещё и воняло теперь какой-то химией.

Однако совсем не это выводило беглеца из себя, когда он, сидя в тёмной кабине полуторки, воевал со своими мокрыми тряпками.

Первой вещью, приводившей его в ярость, была непредвиденная хромота, которая у него возникла. Если бы только знать, что он вдруг возьмёт, да и охромеет, когда этот гороховый шут, Антон Топинский, испустит дух!..

Но вторая выводившая его из себя вещь оказалась похуже первой. Из-за неё, этой вещи, он с такой силой стискивал зубы, что ощущал, как хрустит эмаль. А пальцы его сжимались в кулаки так, что ногти пропарывали кожу на ладонях. И, глядя на своё отражение в зеркальце, которое имелось в кабине, он даже в сумерках видел, как вздулись вены у него на шее, и как побагровело, чуть ли не до черноты, его лицо.

Этой второй вещью была жгучая, непереносимая, всепоглощающая ненависть. И объектом её являлся человек, с которым ему уже доводилось встречаться прежде, три с половиной года назад: Николай Скрябин. Фанфарон и ловкач, который в него стрелял, практически догнал его и вынудил прыгнуть в вонючую Язуу: прямо в одежде, с мучительной раной в боку. Который палил потом в воду и лишь чудом не ранил его вторично. И вторично же вознамерился помешать его планам – снова, будто возвратилось лето 1936 года.

– Ладно. – Беглец увидел в зеркале собственный оскал, и ему стоило невероятных усилий расслабить челюстные мышцы, сведенные судорогой. – Ладно, Николай Скрябин. У меня осталось ещё одно дело – пятое... А потом придёт время для другого: для самого главного... Вот тогда тебя будет ждать сюрприз!

5

Метель, наконец, прекратилась. И Скрябин мог наблюдать, как за окнами кабинета Валентина Сергеевича сгущается фиолетовая ночная мгла. Её разбавляли акварельными мазками желтевшие на площади Дзержинского фонари, да ещё такой же электрической желтизной исходили окна близлежащих зданий. Но помогало это плохо. Николаю казалось: мрак давит на оконные стёкла снаружи, испытывает их прочность, примеривается, как бы пробить двойные рамы насквозь. А потом – затопить помещение за ними, пожрать людей, оказавшихся внутри. Сделать их частью декабрьской ночи, от которой они самонадеянно рассчитывали отгородиться.

– Мне нужен список тех, кто посещал дачу Бокия в 1936 году, – проговорил Николай. – Если, конечно, на сей счет в «Ярополке» сохранились данные. – Конечно, он знал, у кого такой список имелся наверняка; но не обращаться же было *к нему*? – И список обслуживающего персонала бокиевской дачи – тоже. А ещё мне понадобятся личные дела всех мужчин – без ограничений возраста – кто служил в «Ярополке» под началом Бокия в это же время. Тех из них, кто до сих пор остаётся среди живых, я хочу сказать.

Скрябин понятия не имел, откуда у него возникла уверенность: тот, кого он сегодня преследовал, входил в ближний круг бывшего руководителя проекта «Ярополк». Видел ли он этого шустрика прежде – здесь, на Лубянке? Может, и видел. Вот только во время пробежки по черкизовским улицам лица его он так и не разглядел. Так что ни о каком опознании речь не шла. Хотя – а кто ещё мог бы незаметно изъять какие-либо документы из личного дела Антона Топинского, если не его коллеги по «Ярополку»?

– Думается мне, не столь уж много их отыщется – тех, кто среди живых, – заметил Валентин Сергеевич. – После расстрела Бокия численность его бывших подчиненных тоже изрядно уменьшилась.

– Это хорошо, – кивнул Николай, а потом, криво усмехнувшись, прибавил: – Вот уж не думал, что когда-нибудь скажу такое!..

Валентин Сергеевич поглядел на него вроде как с сочувствием, деликатно покашлял и собрался уже о чём-то спросить – да не успел.

– Нет, постойте! – Скрябин резко мотнул головой. – Я глупость сморозил. Мне нужны дела *всех*, кто в 1936 году был задействован в проекте «Ярополк». Безотносительно к тому, числятся они живыми или умершими. Главное условие: сейчас, в данный момент, они не должны состоять в проекте.

– Думаете, кто-то из них мог инсценировать собственную смерть? Или?..

Валентин Сергеевич не договорил, но Скрябин и так всё понял, поспешил заверить шефа:

– Нет, нет, я не считаю, что наш беглец – из *возвращённых*. Он обычный живой человек – не ревенант. Только – с невероятными способностями.

Тут его внезапно осенила идея, так что Николай ещё разок быстро пролистал папку с личным делом Топинского. И – да: в папке находились не только образцы отпечатков пальцев мнимого Фурфура. Там имелось описание его примет, с указанием роста – 176 сантиметров, и веса – 85 килограммов. Возможно, это помогло бы сузить круг поисков – ведь тому шустрику никто не помогал, когда он сооружал на Глебовской улице *каланчу*...

Валентин Сергеевич посмотрел на подчинённого испытующе. И Скрябин подумал: сейчас шеф поинтересуется, что за мысль ему пришла? Однако Смышляев задал другой вопрос – явно понял, что Николай не пожелает раньше времени раскрывать карты. Уж чего-чего, а проницательности Валентину Сергеевичу точно хватало!

– Кого из сотрудников «Ярополка» вы хотели бы привлечь к расследованию? – спросил он. – Лейтенанта госбезопасности Кедрова, я полагаю? Вы ведь понимаете: с завтрашнего дня это дело полностью перейдёт под нашу юрисдикцию.

– Кедрова – непременно. А также – лейтенанта госбезопасности Давыденко. И ещё... – Скрябин запнулся было, но потом решил: время колебаться и терзаться сомнениями прошло, пора принимать решение, а потому закончил: – И ещё я прошу дозволения привлечь к расследованию Рязанцеву Ларису Владимировну. Пока – неофициально. А в понедельник она напишет заявление с просьбой о переводе её в ГУГБ. Думаю, в Библиотеке Ленина, где она сейчас работает, никаких препятствий к этому не возникнет.

Глава 7. Мастер и теория шабаша

2 декабря 1939 года. Суббота

Подмосковье. Москва

1

Михаил Афанасьевич Булгаков встретил утро второго дня зимы в отдельной палате писательского санатория, расположенного в подмосковной Барвихе. Ему, опальному литератору, удалось попасть сюда лишь стараниями Фадеева, секретаря Союза советских писателей. Это Александр Александрович порадел о том, чтобы Булгакову выдали путёвку в элитный санаторий на целый месяц: с 18 ноября по 18 декабря 1939 года.

И – следовало отдать должное барвихинским докторам: открыв поутру глаза, Михаил Афанасьевич ясно разглядел картину вокруг. Увидел розовый атлас ватного одеяла, заправленного в белоснежный пододеяльник. Увидел никелированную спинку своей кровати. Да и морозный узор на оконном стекле различил довольно чётко. Это следовало считать почти чудом – ведь ещё в середине сентября он, неудачливый автор запрещённых к постановке пьес, утратил зрение примерно на девять десятых. А сегодня он решил даже не надевать очки с затемнёнными стёклами, что лежали на его прикроватной тумбочке. Не знал, представится ли ещё ему возможность узреть окружающий мир в его натуральных красках.

Михаил Афанасьевич ничуть не заблуждался насчёт своего состояния. Теперешнее улучшение являлось, по всей видимости, последней относительно светлой полосой в его жизни. Светлой – во всех смыслах. То, что чернота слепоты вскоре снова подберётся к нему, было ему совершенно ясно. Даром, что ли, он окончил когда-то медицинский факультет Киевского университета и получил диплом *лекаря с отличием*? Какая горькая ирония: он сделался тем врачом, который оказался не в силах исцелить себя сам!

Он потянулся было к кнопке электрического звонка, имевшегося рядом с его кроватью: вызвать медбрата, который помог бы ему одеться. Но потом, чуть поколебавшись, руку убрал. Решил: он вполне может ещё полчаса полежать в постели. Куда, собственно, ему спешить? Завтрак принесут позже, прямо в его палату – тогда, когда пациент сам того пожелает. А все медицинские процедуры у него были назначены на послеполуденное время. Так что – он мог позволить себе эту последнюю роскошь: полежать в тёплой неге. Обдумать всё, что с ним произошло. Поместить все воспоминания друг за другом, как филателисты помещают марки в альбом. Определиться с тем, как ему быть дальше.

– Толстовский юбилей – из-за него все несчастья и начались, – прошептал он, сам на себя удивляясь: оказывается, он ещё способен был шутить!

Но – со дня того юбилея всё и вправду покатилося под откос. 9 сентября 1938 года, в тот день, когда по всей стране отмечали 110-летие со дня рождения Льва Николаевича Толстого, на квартиру к Булгакову заявился без предупреждения мхатовский завлит Паша Марков – похожий на застенчивого щенка с печальными глазами. Да ещё и Виталика Виленкина, своего коллегу из литчасти, притащил с собой. Должно быть, не рискнул идти в одиночку к драматургу, который разорвал все отношения с МХАТом и поступил либреттистом в Большой театр. И вот эти двое...

– Эти двое не придумали ничего лучше, как предложить мне написать пьесу о Сталине! Это мне-то!.. Я, по их мнению, был фокусником, у которого в шляпе не кролики, а готовые пьесы!

И тут же мысли Михаила Афанасьевича без всякой паузы перескочили на другой юбилей – тот, совсем скорый, в преддверии коего МХАТ и намеревался поставить его пьесу.

– Два юбилея, не один – вот в чём тут дело, – произнёс он почти в полный голос. – Парный случай!

И он рассмеялся таким смехом, что напугал самого себя.

Но, конечно, первый юбилей – толстовский – тут был не при чём. Да, по большому счёту, и второй – тоже. И даже то, что он, драматург Булгаков, дал слабину, принял предложение Маркова и кинулся собирать материалы для будущей пьесы о Вожде – это было ещё полбеды. Подлинная беда состояла в другом: он вернулся туда – в бывший Камергерский переулок, а ныне – проезд Художественного театра.

Он долго медлил с этим, оттягивал момент возвращения, как менестрель оттягивает конец баллады. Уже и 1939 год начался; и пьеса, действие которой разворачивалось в 1902 году, получила название «Батум»; и сам Булгаков отметил 15-го мая своё сорокавосемилетие. Лишь через месяц после дня рождения, 15-го июня, он переступил через себя: пришёл в Художественный театр, подписал тот трижды проклятый договор на постановку «Батума». А 2-го июля уже читал у себя на квартире готовую пьесу мхатовским артистам. И Николай Хмелев – исполнитель роли Алексея Турбина – наивно возмечтал тогда, что ему позволят сыграть молодого Сталина.

А 27-го июля Булгаков читал «Батум» в бывшем Камергерском переулке – в здании Художественного театра. После этого-то всё и началось. Точнее, не началось: вернулось. То создание явилось, будто кредитор – истребовать с него плату по долговой расписке.

– Двойной юбилей, двойной драматург... – Михаил Афанасьевич не стал больше смеяться: сдержал себя; вместо этого он откинул одеяло и почти без усилий сел на постели.

Он помнил, как окрестил когда-то inferнального кредитора Валя Смышляев: *топтун* – вот как он его назвал. Смышляев, который был не только актером и режиссером, но также состоял в московской ложе розенкрейцеров, а заодно являлся медиумом и ясновидящим. И, хоть в отношении «топтуна» Валя тогда дал маху, зато он не ошибся в другом: три с половиной года назад выбрал правильного человека, чтобы мнимого филёра *разъяснить*. Заставить того пойти на попятный – хотя бы на время.

И сейчас Михаил Афанасьевич, как был – в пижаме, встал с кровати, дошёл до шифоньера, стоявшего у противоположной стены, и вытащил из кармана висевшего там пиджака записную книжку. А потом с нею в руках вернулся в постель: телефонный аппарат стоял на его прикроватной тумбочке.

Номер телефона, которым он думал воспользоваться лишь в самом крайнем случае, был записан карандашом на заднем форзаце его записной книжки. Так что был едва виден на веленовой бумаге, покрытой желтоватыми и зеленоватыми завитками. И этим номером ещё год назад Михаила Афанасьевича снабдил тот самый молодой человек, с которым он свёл знакомство летом 1936 года.

С минуту Булгаков колебался: а не будет ли лучше, если он позвонит сейчас именно ему – Николаю Скрябину? Но потом, сняв с рычага чёрную эбонитовую трубку, набрал другой номер – секретный, с веленового форзаца.

2

Скрябин удивлялся тому, как сильно переменялась погода за ночь. Субботний день выдался ясным, но зато весьма морозным: по радио сказали, что температура воздуха в Москве составляла в восемь часов утра минус 15 градусов по Цельсию. Низкое зимнее солнце почти не грело, однако лучи его косыми стрелами проникали сквозь оконный переплет в маленький кабинет Николая на Лубянке. Отражались от стекол в дверцах шкафа, где старший лейтенант госбезопасности хранил книги и артефакты. И освещали, наподобие огней театральной рампы, завалы бумаг у него на столе. Никто, кроме самого хозяина кабинета, в жизни не сумел бы отыскать хоть что-то в этих нагромождениях.

Утром Скрябин решил первым долгом переговорить со своим другом и бывшим однокурсником – Михаилом Кедровым. Тот был единственным человеком, с которым он мог обсуждать *дело креста и ключа* без обиняков: три с половиной года назад, ещё до того обещания,

Николай успел поведать другу обо всём. Так что теперь даже был рад, что Лара обещала присоединиться к ним позже, и сейчас в кабинетике Николая они сидели с Кедровым вдвоём.

Лариса, которая вскоре должна была стать не Рязанцевой, а Скрябиной, пока что продолжала жить в комнате коммунальной квартиры на Моховой, 10, хоть и уложила уже почти все свои вещи в преддверии грядущего переезда к будущему мужу. Николай заехал к ней накануне вечером, чтобы рассказать обо всём случившемся. И, когда девушка узнала, что ей наконец-то дали добро на вступление в «Ярополк», то и скрывать не стала, до какой степени она этому рада.

– Я не стану ждать понедельника, – сказала она Николаю. – Завтра прямо с утра пойду в отдел кадров Ленинки и сообщу, что перевожусь на Лубянку. Там ведь ещё обходной лист нужно будет оформлять и всякое другое. А время дорого! Лучше будет, если я подключусь к этому делу сразу же.

Библиотека Ленина работала в субботу по обычному графику. И Лара, конечно, спозаранку устремила туда. Благо, далеко идти ей для этого не пришлось: она жила как раз напротив Дома Пашкова.

«Потому она не стала медлить, – мысленно усмехался теперь старший лейтенант госбезопасности, – что опасалась, как бы я не передумал». Уж конечно, его невеста отлично понимала, *кто* тормозил её присоединение к проекту. Ведь сама она давно мечтала заняться *криминологией труднообъяснимых явлений* – хоть и знала, чем это может для неё обернуться. А вот Николай, когда бы не чрезвычайные обстоятельства, ни за что свою невесту к этому делу не подпустил бы. Однако выбора не оставалось: Лариса Рязанцева, выпускница Историко-архивного института, была лучшим знатоком inferнальной мифологии, какие были известны Скрябину. А это что-то да значило! Ему требовались в этом деле Ларин быстрый ум и независимость её суждений. Да и потом, к работе *в поле* он её подпускать не собирался. Ну, а здесь, в здании Наркомата, она должна была оказаться в большей безопасности, чем где-либо ещё во всей Москве.

Но сейчас, пока его невеста улаживала дела в Ленинке, Николай должен был обсудить с другом такие детали, какие он даже Ларе сообщить не мог. Мишка, впрочем, до сих пор не уставал удивляться тому, *что* творилось в недавние времена на даче Бокия – и как всё это сходило с рук тогдашнему руководителю проекта «Ярополк».

– Мне вот интересно, – говорил Кедров, морща лоб и качая головой: рассказ о палаче-имитаторе и его связи с «дачной коммуной» явно его потряс, – неужто Бокий не боялся, что руководству НКВД станет известно о его развратных действиях? Я уж не говорю о тех обрядах оккультного толка, какие он проводил.

– Эка невидаль – развратные действия! – Николай хмыкнул. – Во-первых, Ежов сам был, деликатно выражаясь, не без греха. А, во-вторых, главное состояло не в том, что гости Бокия творили, а в том, что они *хотели* сотворить. В тех самых оккультных обрядах.

«И, конечно, обо всём этом в НКВД знали, – прибавил Скрябин про себя. – Однако Бокия не останавливали. Кое-кто дал команду не делать этого...»

– И чего же эти *коммунары*, по-твоему, хотели? Вызвать дьявола? – Мишка криво усмехнулся.

– Не обязательно – его. Возможно, они собирались призвать какую-нибудь сошку помельче. Скажем, демона девятого чина, которых именуют «искусителями и злопыхателями»: *tentatores et insidiatores*. Помнишь, я тебе говорил про трактат Иоганна Вира «Об обманах демонов»? Там вся демонская иерархия подробнейшим образом описана. А у Бокия такой трактат был, мне это доподлинно известно.

Николай на минуту помрачнел: ему вспомнилось, при каких обстоятельствах он узнал о любимых книгах бывшего руководителя «Ярополка». Он подумал: сейчас Мишка спросит, как ему удалось ознакомиться с личной библиотекой Бокия? А как раз это сообщить ему Скрябин

не мог. Однако его друг только хмыкнул и сказал другое – порой он удивительным образом понимал, какие вопросы задавать не стоит.

– Есть ещё и другие книги – в которых описываются особенности проведения шабаша! Даже я кое-какие из них читал. И, как по мне, всё то, что вытворял Бокий – это шабаш и есть, один в один. Но ты ещё в 1936-м такую версию отбросил. Не допускаешь мысли, что ты всё-таки ошибся?

Николай качнул головой: в этом он как раз и не сомневался. Не просто же так он пробирався тогда в дом Глеба Ивановича – хотел удостовериться.

– Уверен, что не ошибся. Уже одно мое присутствие на том театрализованном представлении безоговорочно доказывало: бокиевский спектакль ничего общего с настоящим шабашем не имел. Ты, Мишка, знаешь о колдовских практиках явно не всё. Хочешь, изложу тебе основную теорию шабаша вкратце?

– Давай, блесни.

Михаил не обиделся: явно привык к тому, что его друг любит бравировать осведомленностью по части оккультизма. Николай и сам знал за собой такую слабость, но – не одному же Смышляеву было питать любовь к работе на публику?

– Попробую. – Скрябин демонстративно откашлялся. – Концепция шабаша разрабатывалась на протяжении четырнадцатого и пятнадцатого веков, и потрудились над ней главным образом следователи и судьи, связанные с инквизицией. Я помню: ты читал когда-то «Молот ведьм». Так что на *доказательной базе* инквизиторских обвинений останавливаться не стану. Но там имелась ещё и философская подоплёка. Средневековое понятие шабаша соединило в одну систему древние легенды о чародействе и различные ереси – богохульные пародии на христианские обряды. При этом под шабашем понималось не просто собрание ведьм, но и отправление дьявольских культов наряду с совершением развратных оргий. И в этом плане у Бокия всё шло в наилучшем виде.

– Но кое-что, надо полагать, шло *не* в наилучшем виде? Что же такое Бокий мог упустить? Ведь он профаном по части подобных вещей не был.

– Сейчас всё объясню. Дело в том, что на шабаш по определению мог попасть лишь узкий круг посвященных, и посторонний свидетель там – это абсолютный нонсенс. Всё равно что – самоубийца в раю. И дело тут не в том, что шабаш как эзотерическое действие недоступен для непосвященных. Дело в другом: шабаш, если уж он происходит, то происходит в реальности, совершенно отличной от обычной, человеческой. Да и вообще, средневековые демонологи спорили до хрипоты: действительно ли ведьмы на шабаше встречаются с дьяволом? Или эти свидания происходят только в их головах? Кое-кто из учёных мужей допускал, что ведьмы, говоря современным языком, галлюцинируют. Но в одном все демонологи сходились: если на таком мероприятии появляется свидетель, то, стало быть, это не шабаш вовсе. Поскольку свидетель может подтвердить реальность всего происходящего, а суть шабаша как раз в том и состоит, что он совершается вне подтверждаемой реальности.

– Ох! – Михаил вздохнул, с усмешкой pokrutil головой. – До чего же ты, Колька, любишь умничать!

– Ладно, люблю. – Николай издал короткий смешок. – Но, по крайней мере, я точно знаю одно: во время шабаша никак нельзя употреблять солёную пищу. Считается, что соль выступает по отношению к дьяволу как универсальное противоядие, которое способно нейтрализовать любую из inferнальных сил. Известны средневековые легенды о том, как одно только появление соли на шабаше вмиг уничтожало все чары. И даже могла выступать как средство против бесовской одержимости. А я обнаружил тогда солонку на столе в доме Бокия. Практически пустую – стало быть, ею пользовались, и неоднократно.

– И что с того? – На сей раз Кедров уже не засмеялся – озабоченно нахмурился. – Ты думаешь, у Бокия не было подручных, которые модифицировали бы изначальный обряд? Взять

хотя бы того фокусника, который вчера сиганул в Язу. Ты ведь так и не понял, каким образом он сумел от тебя удрать. Может, он и на даче Бокия организовал что-то такое, чего ты пока не понимаешь?

Теперь нахмурился уже и сам Николай: подобная мысль и ему приходила в голову. Но развивать её он не желал – по крайней мере, пока.

– Если только, – поморщившись, выговорил он, – тот бегун и вправду бывал у Бокия. А вот если я в этом ошибся...

Договорить он не успел. Телефонный аппарат у него на столе задребезжал, и Скрябин решил: это звонит дежурный с поста у входа. Николай просил сообщить, когда придёт Лара, чтобы самому проводить её в отдел кадров «Ярополка». Однако никакой это оказался не дежурный. Да и Лариса вряд ли успела бы уладить все дела в Ленинской библиотеке так быстро.

– Срочно зайдите ко мне, Скрябин, – произнес на другом конце провода Валентин Сергеевич; в голосе его звучали одновременно и злость, и глубочайшая печаль.

3

– И когда именно вы сообщили Михаилу Афанасьевичу Булгакову о том, что я жив?

Николай ожидал, что шеф «Ярополка» разыграет сейчас какую-нибудь мелодраматическую театральную сцену. И уже мысленно язвил по этому поводу. Однако Смышляев только тёр ладонями своё гладко выбритое лицо и глядел не на подчиненного, а куда-то в угол собственного кабинета.

– Мне ничего и не понадобилось сообщать, – сказал Николай. – Если кому-то вы и смогли запорошить глаза, то – не ему. Михаил Афанасьевич около года назад просто спросил меня, когда я заглядывал к нему в гости, как он может связаться с вами. Точнее, вот что он сказал – я дословно помню: «Не знаете ли вы, как сейчас можно связаться с Валентином Смышляевым? Только, пожалуйста, не рассказывайте мне байку о том, будто он умер». И что, по-вашему, я должен был ему ответить? Да и не просто так он задал свой вопрос! Уже тогда его что-то сильно беспокоило. Я это видел. Но, к сожалению, выяснить, что именно, не сумел. Михаил Афанасьевич говорить отказался об этом говорить – перевёл всё в шутку. Вы же знаете, как ловко он подобные вещи делает.

Валентин Сергеевич поморщился, как если бы у него разом заныли все зубы, и покачал головой.

– Я подозревал, что Миша о моей инсценировке догадался. И что он снова попал в беду... Но всё-таки я надеялся... – Валентин Сергеевич наконец-то перестал тереть лицо и посмотрел на Скрябина прямо; у шефа «Ярополка» побелели губы, однако он сумел изобразить свою привычную колеблющуюся улыбку.

– *Снова* попал в беду... – эхом повторил Николай, ощущая, как ему в ладони будто вонзается тысяча мелких игл. – Выходит, *оно* вернулось – то, что было раньше?

– Не просто вернулось: стало сильнее, чем прежде. А вы ведь помните, какой силой *это* обладало уже тогда?

И Николай Скрябин помнил, да! Был уверен, что не позабудет, даже если проживет ещё сто лет. Моментально, будто по щелчку пальцев невидимого гипнотизёра, он перенесся памятью туда: в тридцать шестой год, в самое начало июля.

Глава 8. НКВД и Художественный театр

1936 год. Москва

1

Когда в понедельник, 6 июля 1936 года, Скрябин и Кедров вошли в кабинет Глеба Ивановича Бокия, тот с минуту вообще не глядел на них. Лишь перекалывал с места на место какие-то бумаги на своем столе. А когда посмотрел-таки на стажеров, во взгляде его читались недовольство и надменность. Впрочем, читалось в глазах Бокия и ещё кое-что: едва скрываемый корыстный интерес; но причина его Скрябину была не ясна.

Николай и Миша, остановившиеся у двери кабинета, отрапортовали по всем правилам: что они для прохождения стажировки прибыли.

– Где это видано, – вместо приветствия начал с риторического вопроса Бокий, – чтобы стажерам сразу давали младшего лейтенанта госбезопасности? Чтобы получить спецзвание, люди должны отработать по линии госбезопасности установленный срок. А тебе, Скрябин – сразу три красных треугольника на рукав, да жгут серебряный в петлицы... Небось, вам двоим уже и табельное оружие выдали?

«Нет, у нас в кобурах – игрушечные пистолеты», – чуть было не сказал Скрябин, но сдержался, ответил коротко – и за себя, и за друга:

– Так точно, выдали.

Придя сегодня утром в здание НКВД, они с Мишкой первым делом отправились за табельными пистолетами и обзавелись новенькими «ТТ».

– Рад за тебя и за твоего друга, – медоточивым тоном произнес Бокий.

«Не иначе как готовит нам какую-нибудь гадость...» – решил Скрябин.

– Надеюсь, – продолжил между тем Глеб Иванович, – оружие пригодится вам для охраны библиотеки проекта «Ярополк». Вы оба прямо сейчас туда и отправитесь. И останетесь там вплоть до окончания вашей практики.

При этом заявлении Николай едва не рассмеялся. Он-то сегодня всё утро размышлял над тем, как бы ему убедить Бокия, чтобы тот отправил его в архив «Ярополка» – пресловутую библиотеку. То, о чем ему рассказал в метро Смышляев, требовало работы с уликами, отыскать которые можно было именно среди документов проекта. И вот теперь Бокий направлял их с Кедровым туда по своей собственной инициативе!

– Есть отправиться в библиотеку, – нарочито унылым тоном выговорил Николай, а затем они с Мишкой синхронно развернулись кругом и пошагали к двери.

И, если Глеб Иванович Бокий ожидал от стажера Скрябина каких-либо возражений, то он их не дождался.

2

По крайней мере, полученные звания в системе госбезопасности давали определенные преимущества. В отличие от прошлого года, когда Николай и Миша все дни напролет проводили между пыльными стеллажами, друзьям на сей раз выделили по письменному столу в примыкавшем к библиотеке просторном и пустом кабинете (где, между прочим, имелось ещё четыре стола – но за ними никто не сидел). И на столах у стажеров лежали стопками пухлые коричневые конверты, содержимое которых составляли фотоснимки. Бесчисленные пачки снимков – одиночных или скрепленных круглыми резинками. На оборотной стороне каждой из карточек имелась надпись. Но вместо имён и фамилий граждан, запечатленных на фото, стояли непонятные буквенно-цифровые комбинации, а рядом – даты.

Шифрованные подписи красовались и на папках-скоросшивателях типа «Дело №...», которыми были туго забиты высоченные стеллажи, заполнявшие библиотеку.

– Ваша задача, – напутствовал Николая и Мишу незнакомый им капитан госбезопасности, препроводивший их сюда, – разложить все эти снимки по папкам, ориентируясь на шифр. Вот здесь, – он кивнул на каталожные шкафы, стоявшие в комнате с письменными столами, – карточки, в которых указано, какое дело где хранится. Расставлены эти дела в соответствии со значимостью персон. Поэтому номера и буквы вам их найти не помогут, даже не пытайтесь. Ищите в каталоге – и потом уже смотрите на стеллажах.

Николай глянул на взбиравшиеся почти к самому потолку полки, уставленными папками (иные были пыльными и потрепанными, а иные – совсем новенькими; и картон на них матово поблескивал), и вздохнул. Только теперь до него дошло, что Бокий в действительности не просчитался: подложил стажерам хорошую свинью. Ясно было: от этой скучнейшей работы им с Мишкой уклониться нипочем не удастся.

– Что значит – *в соответствии со значимостью персон*? – спросил Скрябин.

– То и значит: дела на тех, кто поважней – находятся внизу, а мало кому интересные граждане – под самым потолком. Чтобы до них добраться, вам обоим придется использовать стремянку. Даже твоего роста не хватит, чтобы с полу до них дотянуться.

В библиотеке имелось несколько раскладных лестниц; они стояли по одной в каждом ряду стеллажей.

– Думаю, – закончил свою речь капитан госбезопасности, – за месяц вашей практики вы должны успеть все фотографии разложить по местам. Во всяком случае, Глеб Иванович уверен, что вы с этой задачей справитесь.

Он глянул на Колю с некоторой, как тому показалось, иронией – но, впрочем, иронией незлого свойства; а потом таким же взглядом, но более коротким, одарил Мишку. И ушел, оставив практикантов одних.

– М-да-а-а... – протянул Кедров; морща лоб, он оглядывал снизу доверху все стеллажи. – Похоже, мы проведем практику с огромной для себя пользой...

– Ну, – Николай выдохнул с нарочитой бодростью, – я-то уж точно рассчитываю кое-какую пользу из этого занятия извлечь. Есть одно дельце... Подробности я, к сожалению, не могу тебе рассказать, но без твоей помощи мне не обойтись.

– Кто бы сомневался, что сейчас начнутся тайны мадридского двора... – пробурчал Кедров, усаживаясь за выделенный ему стол; заявлению своего друга он, похоже, ничуть не удивился.

3

Фотокарточки, которые приходилось раскладывать Николаю и Мише, почти все отправлялись на верхние полки стеллажей. То есть, изображенные на них персоны особого интереса ни для кого не представляли. А среди тех, что попадали на полки пониже, ни одного знакомого лица Скрябину обнаружить не удавалось. Всё указывало на то, что им с Мишкой подсунули «отработанную руду», из которой давно уже извлекли всё, хоть сколько-нибудь ценное. Наводили на размышление и даты: снимки, оказавшиеся на столе Николая, сделаны были в период с января по апрель тридцать шестого года.

– А у тебя что? – повернулся он к другу. – Какие числа указаны на снимках?

– У меня вообще: с сентября по декабрь 1935-го...

Трудно было представить себе, что по-настоящему важные материалы столько времени пролежали бы невостребованными. Ведь они с Мишкой оба знали, какова специфика фотоархива проекта «Ярополк». Пленка и фотобумага, которые использовались здешними фотоаппаратами, давали возможность зафиксировать *тени за спинами* – у тех фотографируемых, кто был безнадежно обречен, подобно Сергею Мироновичу Кирову в ноябре 1934 года. И на карточках, лежавших на столах у стажеров, запечатлены были люди, над которыми пресловутый *ангел смерти* занес уже свой меч: астральные «коконы» за их спинами имели цвет от темно-серого до густо-черного. Из чего следовал вывод, что многие из них до июля 1936 года уже и не дожили.

– Какого же черта их снимали, если они никому не нужны и не интересны? – сердито про-
бормотал младший лейтенант госбезопасности, а затем сердце его вдруг ёкнуло, пропустило
положенный удар и переместилось куда-то ближе к горлу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.